

**Арте
факт
детектив**

Возле тел зверски убитых
женщин преступник оставляет
репродукции художника Эдварда Мунка,
посвященные смерти. Нечистая сила
вырвалась из преисподней...

ОЛЬГА ТАРАСЕВИЧ

Проклятие Эдварда Мунка

ЭКСМО

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич

Проклятие Эдварда Мунка

«ЭКСМО»

2007

Тарасевич О. И.

Проклятие Эдварда Мунка / О. И. Тарасевич — «Эксмо»,
2007 — (Артефакт & Детектив)

С картинами норвежского художника Эдварда Мунка всегда происходили непонятные истории. Несколько лет назад шедевры экспрессиониста исчезли из музея в Осло, а недавно были обнаружены при загадочных обстоятельствах... В Москве таинственный преступник зверски убивает женщин. Возле тел с множественными ножевыми ранениями следователь Владимир Седов находит репродукции Эдварда Мунка. Журналистка и писательница Лика Вронская пытается помочь своему другу Седову, однако люди, способные содействовать расследованию, погибают один за другим. Круг подозреваемых широк. Кто же тот человек, который, вслед за несчастным художником, воспекает смерть?..

© Тарасевич О. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	8
3	11
4	14
5	18
6	23
Глава 2	24
1	24
2	28
3	33
4	37
5	39
6	41
Глава 3	42
1	42
2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ольга Тарасевич

Проклятие Эдварда Мунка

Глава 1

1

Кристиания¹, 1879 год.

Он напился допьяна! Иначе как можно объяснить, что на Карл-Юханс-гате,² возле круглого здания стортинга,³ напоминающего толстяка с короткими ручками, показалась хитрая мордочка тролля.

Эдвард Мунк замедлил шаг и потер глаза. Тролль противно хихикнул и исчез в постаменте одного из каменных львов, установленных у фасада.

«Надо поесть», – решил Эдвард и заторопился домой, в Гренланд.⁴ Хотелось баранины в капусте или мяса на палочках. Дразнящие запахи неслись из ресторанов, наполняя рот слюной. В карманах штанов, как обычно, не было даже нескольких эре. Домой...

Он миновал Кафедральный собор, взмывающий в ослепительно-синее небо восьмигранным шпилем. Пробрался через суетливую толпу у Центрального вокзала. Пару минут поглазел на витрину рыбной лавки. В корзинах вздрагивала жирная сельдь и превосходный лосось.

– Заходите, у нас есть свежая треска, – вкрадчиво произнес вдруг появившийся за спиной приказчик.

И тут же замялся, разглядев потертый плащ Эдварда.

Юноша гордо вскинул светловолосую голову и, пошатываясь, зашагал вперед. Почему-то ему вспомнились строки из «Старшей Эдды».⁵

Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;
чем больше ты пьешь,
тем меньше покорен
твой разум тебе.

Когда-то отец любил читать им эдды и саги. Когда-то все было по-другому. Когда была жива мама...

На глаза навернулись слезы. Но ведь это было! Вот они сидят у камина. На коленях мамы устроилась Ингер, еще совсем малышка. Отец возится с Андреасом и Лаурой. А он, Эдвард, не отходит от старшей сестрички Софи. Потом отец раскрывает книгу, Эдвард слушает «Песню о Нибелунгах» и вместе с тем не может отвести глаз от бледного лица матери. Как она красива! Гладко зачесанные черные волосы подчеркивают белизну тонкой шейки, в карих глазах све-

¹ Кристиания (Христиания)-название столицы Норвегии г. Осло в 1624–1924 годах. Дано в честь датского короля Кристиана IV, который отстроил новую норвежскую столицу после пожара 1624 года.

² Центральная улица Осло.

³ Парламент Норвегии.

⁴ Квартал Осло.

⁵ Перевод А.Корсуна, М.Стеблина-Каменского.

тится такая любовь, жарче, чем огонь в камине. Она юна и прекрасна. Серое лицо отца уже вспахали морщины, мамочка кажется его дочерью. Внезапно ее грудь сдавливает кашель, мать прижимает ко рту платок, и отец умолкает.

– Все в порядке, Кристиан, – говорит мама, пытаясь спрятать платок в узкий рукав черного платья. Но папа, отложив книгу, перехватывает ее руку. Эдвард с ужасом видит красные пятна на белом батисте.

Отец отворачивается к окну, где виднеется узкая полоска моря, сдавленного белыми скалами, и глухо произносит:

– Лаура, тебе надо отдохнуть.

Эдварду становится страшно. Так страшно, что он, сжимая в руке ладонку Софи, крадется к спальне матери и, приоткрыв дверь, слушает ее неровное дыхание. И опять кашель и предчувствие чего-то непоправимого...

Ее лицо в гробу было спокойным и безмятежным. Казалось, она спит. Исчезла даже тонкая складочка на лбу, делавшаяся резче, когда батист платка окрашивали кровавые пятна.

– Нет, мамочка, не уходи! Не надо!!!

Эдвард, рыдая, вцепился в края гроба. Отец, заставив глотнуть горькой микстуры, запер его в комнате, и Эдвард не видел, как уносили мамочку из их потемневшего дома.

Мамочка ушла. Но смерть и горе остались в Гренланде.

Костлявая, неумолимая старуха с цепкими властными пальцами. Она вырвала из семьи Софи. Его сестричку Софи, чистую, невинную...

Господи, если ты есть! Если все то, о чем твердит замусоливший Библию отец – правда, то почему, за какие грехи ты забрал Софи?

Ты есть? У тебя, должно быть, полно других дел. И ты не видишь, как съежилась у окна Лаура. Сестра смотрит на морскую гладь, но ничего не замечает и никого не узнает, ее глаза пусты, разум погружается в темноту.

Отца тоже больше нет. Того отца, которого он помнил и любил – веселого, придумывающего сказки и читающего эдды. Осталась тень, высохшая, почти бесплотная. Даже странно, что тень отбрасывает еще одну тень, в огоньке свечи неровно прыгающую по стенам. Сгибающуюся в раблепных поклонах. Отец все время молится. Зачем? Что толку от этих молитв?

Эдвард толкнул тяжелую дверь с табличкой «Доктор Мунк» и горько усмехнулся. Доктор? Разве помог отец маме, Софи и Лауре? Никто не поможет, когда к горлу тянется холодная костлявая рука.

Человек, с которым задумавшийся Эдвард столкнулся на лестнице, думал иначе. Его лицо освещала надежда. О, эта вечная надежда обездоленной нищеты! Он подобострастно поклонился, приветствуя Эдварда, тот вяло кивнул в ответ. Одет высокий худощавый мужчина был так же бедно, как и большинство пациентов отца. Денег с них папа никогда не брал. Жили впроголодь.

В сырой гостиной было сумрачно. Пошатываясь, Эдвард приблизился к стоящей в углу постели брата. Лицо Андреаса горело от лихорадки.

– Ему будет лучше...

Ингер подошла неслышно, поставила на комод стакан воды. С годами сестра становилась все больше похожей на мать. Та же стройная фигурка в складках черного платья, гладко зачесанные темные волосы.

– Отец дал ему микстуры, жар спадет. И опять... Папа заставил его петь лютеранские гимны... – она прижалась к его плечу, но сразу же отшатнулась. – Эдвард! Ты пьян!

– Где Карен? – хрипло спросил он, в глубине души зная ответ на этот вопрос.

Конечно же, не ошибся.

Ингер тихо сказала:

– С отцом.

Сердце закололи ревнивые мысли. Тетя Карен опять с отцом. Что делает она в его комнате? Карен, нежная, добрая – после смерти матери она взяла на себя все хлопоты по дому. Она зажгла любовь в его душе. Но зачем ей шестнадцатилетний мальчик? Карен нужен отец. А разве он сможет сделать ее счастливой? Тени не приносят счастья...

На ужин Карен подала флатбре⁶ с молоком. Эдвард быстро расправился с едой и поднялся, намереваясь пойти в свою комнату, но отец, равнодушно изучавший стену столовой, вдруг остановил его.

– Сынок... Ты бы подумал... В Норвегии столько водопадов. Я хочу, чтобы ты стал инженером. Ну что это за занятие – живопись? Художники живут в грехе, – он сделал глоток молока и упрямо повторил: – Ты бы подумал.

Эдвард отрицательно покачал головой. Что тут думать? Он все решил. Когда он становится за мольберт – ему делается легче. Да, ему всегда легко давалась математика, но только картины – то, что по-настоящему его волнует.

– Кристиан, у мальчика способности, – вступилась Карен.

Его даже не обрадовала ее поддержка. Мальчик. Ну конечно. Она никогда не узнает, как он мечтает прикоснуться к ее тонкой щиколотке. Белая полоска кожи между подолом платья и домашней туфелькой. У него комок застрял в горле от нежности. А Карен вязала у камина и ничего не замечала!

Ингер обвела присутствующих торжествующим взглядом и интригуяюще произнесла:

– Завтра к нам придет плотник Пульсен.

Отец вопросительно вскинул брови.

– Он заболел?

– Нет, – лицо Ингер слегка порозовело от волнения. – Он придет, чтобы... купить картину Эдварда!

Хмель окончательно выветрился из головы молодого человека. Первый покупатель! Его картину кто-то купит! Даже не верится...

– А он богатый, этот Пульсен? – спросила Карен, потрепав Эдварда по затылку.

Ингер кивнула. Может ли быть бедным человек, купивший своим дочерям муфты из тюленьего меха? Он богат, очень богат.

Весь вечер Эдвард провел как в горячке, разбирая работы. У него будут деньги. Может, набраться смелости и пригласить Карен выпить стаканчик вина?

Но на следующий день плотник Пульсен так и не пришел...

⁶ Высушенные плоские ломти хлеба.

2

Ну, вот и все. Стеклянно-бежевые шторы из легкой органзы мягко опускаются на свежewe-мытый пол. Кипенно-белую скатерть выгодно оттеняют благородно потемневшие серебряные приборы. И теплый огонь свечи в пузырьке-лампадке обещает: будет все. Романтический ужин. Беседа взахлеб. Утолить бы эту жажду. И все про себя рассказать. Узнать его, понимая – он мой, тот самый, единственный. От кухни до спальни – два шага. Они их сделают? Или не стоит торопить события? Все-таки приличные девушки сразу в постель не прыгают...

Карина Макеенко метнулась к духовке и озабоченно распахнула дверцу.

«Показалось. Жаркое не подгорело. Это специи пахнут, чесночок. Все должно быть на уровне», – облегченно подумала она, поливая мясо светло-желтым жиром, булькающим на сковороде.

Карина выключила плиту, прошла в ванную. Легкий халатик спикировал на пластиковую корзину для белья, и безжалостное зеркало отразило все недостатки тридцатипятилетней женщины. Тонкие тусклые русые волосы до плеч. Глаза – если бы они были темно-синими или лесными, зелеными. Увы: серые, невыразительные. Длинный острый носик и ниточка губ. На пластическую операцию – Карина горько вздохнула – денег не хватило, не с учительской зарплатой такие операции позволять. Губы – да, они были более пухлыми. Но опять-таки не с ее доходами каждые полгода делать инъекции. К сожалению, от чудодейственного препарата не осталось и следа. Не губы – ниточки, тонкие, бесцветные. Складки, бугорочки – на талии, на бедрах. Вот где объема более чем достаточно. Он ничего этого не видел. У нее высокий рост, тонкие кости. В маскировке одежды целлюлит незаметен. От кухни до спальни – два шага. Они их сделают, и он увидит складочки, и...

«Не надо паниковать раньше времени, – приказала себе Карина, вставая под теплые упругие струи душа. – У меня свидание. Настоящее. Почти первое, пьянка на третьем курсе с последующей потерей девственности, горечью выкуренных сигарет и неловкими объяснениями не в счет. Все будет хорошо. Все просто. Есть я. Значит, должен быть он».

Он очень долго не хотел находиться. Возможно, его взгляд скользил по потоку текущих в переходах метро людей. Что он видел? Ее волосы собраны в хвост, классическое пальтишко, очки, потрепанный портфель с тетрадями учеников и собственными записями. Заговорить с Кариной? Познакомиться? Не случилось. Не происходило.

А как же ей этого хотелось! Чтобы было к кому торопиться после работы. Рассказать: директриса, подумать только, сушая стерва. Ученики – девятый класс, взрослые же люди – напустили в сиденье стула воды. Она присела, разумеется, и на светло-серой юбке затемнело двусмысленное пятно. А как хорошо ужинать вместе! Радоваться, что за окном разливается темнота, а в квартирке – ну и пусть «хрущевка» – тепло, уютно, пятно от торшера на потолке... Исчезает... Потом стать толстой. Наполниться новой жизнью. Тридцать пять. Господи, что же все так быстро! Неужели она так и не узнает, как это – когда ребенок толкается в животе, а счастливый отец, замирая, прикладывает к нему руку?

Гора не идет к Магомету. Таймер времени шелкает равнодушными, похожими один на другой, днями. Надо действовать. Знакомые знакомых – пройденный этап. Это не они. Точнее, его среди них нет. В этом Карина убедилась, обойдя всех холостяков «на выданье». Вечера «Кому за тридцать» исчезли под обломками Советского Союза. Клубы не подходили по многим причинам. Нет нарядов, чтобы прилично выглядеть. И нет уверенности, что он окажется там – во вспоротой прожекторами темноте, среди грохочущей музыки и крашенных грудастых блондинок.

Директриса – стерва стервой – надоумила. Ее муж номер один, как персидский кот – вечное дополнение к дивану. Исчез вместе с проржавевшими «Жигулями». Теперь Татьяну

Матвеевну после работы встречает муж номер два. На серебристом «Ситроене». Бизнесмен. Эффектный мужик, легкий загар, сексуальная небритость, и на пару лет, между прочим, моложе директрисы. Пойман – девчонки после педсовета рассказали – во Всемирной паутине.

Сама Карина поостереглась бы размещать объявление на сайте знакомств. Но – «Ситроен», загар и такое обожание в направленном на Татьяну Матвеевну взгляде. Чем она, Карина Макеенко, спрашивается, хуже?

Решилась, но все равно откладывала это дело, косилась на компьютер, выдумывала все новые и новые предлоги, лишь бы отсрочить. Проверила сочинения. Катюша, умничка, так раскрыла образ Наташи Ростовской – прямо слеза навернулась. Иванов, разумеется, опять переписал учебник. Потом – вечный Федор Михайлович, «Преступление и наказание». Выучен почти наизусть – а все-таки освежила в памяти, пролистала, к каждому уроку надо готовиться тщательно. Поэтому перечитала. Испугалась. Озноб прошел по плечам – а если ее одиночество и есть наказание за преступление? Ее преступление, тяжкий крест наказания... Не думать, забыть! Она ни в чем не виновата. Умолкни, совесть!

Карина почти не помнила, как отвечала на вопросы анкеты и создавала специальный почтовый ящик для переписки. Стыд туманил глаза, щеки пылали.

Какое унижение – первый отклик. Как удар хлыста наотмашь по мечтам. «Предлагаем эскорт-услуги состоятельным дамам. Поскольку ваше объявление размещено на сайте знакомств, просим не считать это письмо спамом». Второе послание не лучше. «Одиноким мужчинам ищет женщину для нечастых встреч на ее территории. Чистоплотность и порядочность гарантирую». Мерзость, гадость! Где там кнопочка «delete»?

«Безумно устал быть один. Хочется простого: хороших отношений, душевного тепла, равнодушия. Любви. Мечтаю иметь детей. Напишите мне, если вы ищете спутника жизни. Даст бог, мы найдем друг друга».

«Это он», – решила Карина. И долго боялась писать ответ. А вдруг птица счастья – создание пугливое? Как жить, зная, что она пролетала рядом, но испарилась, исчезла, и в ящике только письма с предложениями «мальчиков по вызову»?

Это был он. Ответ мужчины пришел буквально через час. «Жду вас завтра вечером в кофейне на Новом Арбате».

Полумрак кофейни раздражал. Карине все казалось – а вдруг это просто недостаток освещения? У него, стильно одетого, с безупречными манерами, оказалось на редкость невыразительное лицо.

«Это он, – убеждала она себя, с досадой отмечая: всем хорош мужчина, но теплая волна предвкушения счастья не теснит грудь. – Это он, он, он».

Сделав глоток красного вина, Карина решительно произнесла:

– Теперь моя очередь вас приглашать. Приходите ко мне в гости. Поужинаем, поговорим.

Его лицо осталось невозмутимым, только в приятном низком голосе послышалось оживление.

– С удовольствием...

Теперь вот все для него – и дразнящий запах жаркого, и новое платье, и изысканный макияж.

Проведя по скулам кисточкой с румянами, Карина удовлетворенно улыбнулась собственному отражению и бросила взгляд на часы. До прихода мужчины еще минут сорок, она как раз успеет накрасить ногти неярким бежевым лаком.

Звонок в дверь застал ее врасплох. Карина заспешила в прихожую, ушибла колено о стоящее у двери спальни кресло и отщелкнула замок.

«Маникюр испорчен», – подумала она, распахивая дверь.

На пороге стоял совершенно не тот человек, которого она ожидала увидеть.

– Что вам нужно?! – с возмущением воскликнула она. Так стало обидно за все сразу – за колено, за смазанные ногти. И запоздалое сожаление: не посмотрела в глазок. – Зачем вы пришли? Что все это значит?

Аккуратно закрыв за собой дверь, человек улыбнулся. В его руках мелькнул нож, и Карина, застыв от ужаса, наблюдала за неотвратимым приближением клинка.

«Не может быть, да что же это?» – метались мысли, и она видела себя со стороны: извращение с расширенными глазами. Понимала, что надо бежать, кричать, но не могла сдвинуться с места. Первый ожог боли сдавил горло протяжным стоном, и сразу же чернота, безмолвная, тихая, проглотила Карину целиком и полностью...

Вытаскивая застрявший в груди нож, человек тихо выругался. В его руках осталась лишь рукоятка. Кровь на темной одежде была почти незаметна. И все же он быстро переоделся, сложил окровавленные вещи в пакет и нагнулся над Кариной. Смерть уже сковала черты ее лица, студила тело.

Из кармана убийцы выскользнул длинный узкий листок, упал в разлившуюся на паркете лужу крови. Кровавые брызги запачкали изображение – репродукцию картины норвежского художника Эдварда Мунка «Крик». Он это заметил, однако поднимать закладку не стал. В последний раз осмотрев распростертое на полу прихожей тело женщины, человек захватил свой пакет и осторожно закрыл за собой дверь...

3

Исключительный случай. Журналистка и писательница Лика Вронская проснулась задолго до того, как запрограммированный на шесть утра музыкальный центр взорвался температурной латиноамериканской песенкой. На соседней подушке безмятежно похрапывал бойфренд. Ее сладкое счастье, ее Пашка. Смешной вихор на затылке, полосатая тельняшка. Упитанный, как бегемотик. Самый лучший. В его любовь она кутается уже несколько лет. Очень теплое одеяло. Хочется верить, что так будет всегда.

Закончив лирические размышления, девушка выскользнула из постели и отключила музыкальный центр. Пусть Паша спит. Вообще-то она тоже любит понежиться до полудня в кровати. Работа, как говорится, благоприятствует. Самое главное и в статьях, и в книгах – писать с душой, сдавать вовремя. А уж когда их писать и когда просыпаться – дело десятое. После обеда Лика заезжала в редакцию, ходила на пресс-конференции и интервью, потом мчалась домой к компьютеру. В нем жили самые разные люди, которые любили, страдали и иногда убивали друг друга. Увы, закон детективного жанра. Нет трупа – нет детектива. Пик активности придуманных, но совершенно независимых и самостоятельных персонажей приходился на два часа ночи. А почему бы и нет, если потом можно вволю отоспаться?

Только вот сегодняшнее утро было особым. Нетипичным. Лика Вронская проснулась ни свет ни заря, чтобы отправиться в морг. Ее слишком долго не пускали в это учреждение, и теперь, получив то, к чему стремилась, она собиралась со скоростью реактивной ракеты.

Приняв душ и влив в себя большую кружку крепкого кофе, Лика слегка подкрасилась и уселась на угловой диванчик возле кухонного стола.

«Любимый, – написала она в блокноте. – На завтрак подогрей гречневую кашу и котлеты. Тарелка в микроволновке. Я поехала к родителям помогать перевозить вещи на дачу. Ремонт – это ужасно. Целую тебя, солнышко...»

Прикрепляя магнитом листок к холодильнику, она испытала легкие угрызения совести. Воспитана так – плохо это или хорошо – все время говорит правду. Вот такая она – Лика – с копной светлых волос, в джинсах и на высоких каблуках.

«Нет, формально я все-таки не вру, – рассуждала Лика, набрасывая легкую сиреневую куртку. – Ремонт родители действительно затеяли. Мусечка стала совсем невменяемая, говорить с ней не возможно ни о чем, кроме плитки и обоев. У папы важная спецмиссия. Защитить от строителей сделанные собственными руками антресоли. Мама столько лет его пилила, пока он совершил этот подвиг. Теперь аргументы о том, что в современных квартирах антресоли заменяют встроенными шкафами-купе, на отца не действуют. А вещи я действительно помогу перевезти на дачу. Просто чуть позже. Мне очень надо увидеть смерть. Но Паша так расстраивается, когда я лезу не в свои дела, что лучше ему ничего об этом не знать. Пусть пишет свои программы и ни о чем не беспокоится».

Лирины каблучки выбили звучную дробь по лестнице. В ноябрьских сумерках едва различимы сухие ошметки листьев, припорошенные снегом. Воздух прохладный, бодрящий, вкусный. Пять минут до стоянки, полчаса на дорогу – Лика посмотрела на часы, да, вполне успевает проскочить тягучие московские пробки – а потом она увидит смерть...

Строго говоря, смерть вблизи Лика уже видела и, к сожалению, неоднократно. Повздорив с редактором «Ведомостей» Андреем Ивановичем Красноперовым, она решила заняться написанием детективов, и в первый же вечер новой жизни ей довелось стать свидетельницей убийства бизнесмена Сергея Макарова, с которым она занималась в одном фитнес-центре.⁷ «Реальное происшествие лучше любой фантазии», – подумала тогда Лика и, описывая этот

⁷ См. «Без чайных церемоний».

случай в книге, попутно «убила» еще двух клиентов того же фитнес-центра. С той поры она больше никогда так не делала. Рукописи не горят, они сбываются, и в цепи тех кровавых событий горе-автор чудом осталась жива.

Как там говорится: на ловца и зверь бежит? Не просто бежит – мчится. Лика хотела, валяясь на солнечном пляже Египта, обдумать новый роман и оправиться от пережитого.⁸ Побывать с Пашей, загореть, купаться вдоволь. Видимо, мысль действительно материальна. Когда думаешь о трупах – они появляются. В соседнем номере роскошного «Aton's Hotel» ...

Но даже личный, зловещий и болезненный опыт казался Лике недостаточным. Она устала опираться на свои слабые представления о смерти, описывая ее на страницах книг, анализируя, что делают врачи, что чувствуют, как говорят. Безусловно, есть специальная литература. Но она именно для профессионалов. Куча терминов, сомнительное качество полиграфии, и как во всем этом разобраться – не понятно. Но разобраться нужно. Журналистский рефлекс срабатывал и при работе над книгами. Если чего-то не знаешь – не поленись уточнить. Пусть примут за зануду, зато не напишешь глупостей.

– Анжелочка, а газета?!

Лика вздрогнула. Погрузившись в свои мысли, она и не заметила, как добралась до стоянки. В окошке будки показалось заспанное лицо Викентьевича. Дедок всегда просил захватить для него свежий номер «Ведомостей» или новую книгу и сейчас предвкушал неторопливое чтение.

Лика зябко поежилась, холодный ветер пронизывал куртку.

– В машине, буду выезжать – передам, – она улыбнулась старичку и заспешила к своему небесно-голубому «Форду».

– Едем в морг, малыш. Судмедэксперты в постели не разлеживаются. Вскрытия начинаются в восемь утра. Домчишь меня?

Машина ровно урчала еще непрогретым мотором.

– Нет, – продолжила Лика свой разговор с «фордиком». Она не сомневалась: если с техникой общаться, то и машина, и компьютер будут работать намного лучше. – Сейчас нас с тобой точно никто не выгонит. Злобный дядька патологоанатом остался в прошлом.

Главный патологоанатом Аркадий Гудков в телефонном разговоре на интервью согласился сразу же.

– Нет проблем, приезжайте прямо сейчас. Пообщаемся, – небрежно бросил он и отключился.

Лика заторопилась, умоляла «фордик» побыстрее проехать пробку на Тверской, пребывая в полной уверенности – все у нее получится. Все узнает, выяснит, поймет, да еще и статью про дядьку хорошую напишет. Должен же и он что-то получить от проведенного ликбеза.

В кабинете Гудкова Лика сразу же извлекла из рюкзака диктофон, блокнот и цифровой фотоаппарат.

– Скажите, а вы «Окончательный диагноз» Хейли читали? – наблюдая за ее приготовлениями, поинтересовался главный патологоанатом.

Вронская покачала головой. Первая – она же единственно прочитанная книга этого автора «Аэропорт» не вызывала никакого желания продолжить знакомство с его творчеством. Типичный американский писатель. На один абзац – семь глаголов «был». Может, это недостатки перевода. Но жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на выяснение маловажного вопроса.

– Я так понимаю, патологоанатомы проводят вскрытия людей, скончавшихся в больнице? – спросила Лика, нажимая на кнопку начала записи.

– Подождите. Выключите, – Гудков кивнул на диктофон. – Вы знаете, что такое биопсия?

⁸ См. «Ожерелье Атона».

– В общих чертах. Прижизненный забор ткани для исследования. Думаю, проводится, когда есть сложности с постановкой диагноза, при подозрении на злокачественную опухоль. А в чем дело?

Патологоанатом довольно прищурился.

– А что такое аутопсия?

Журналистка замолчала. Универсально-поверхностный мозг не выдал совершенно никаких ассоциаций.

– Всем спасибо, все свободны. Девушка, вы пришли к главному патологоанатому! Вы отнимаете мое время и не удосужились выяснить ровным счетом ничего о моей профессии. Идите в библиотеку. Прочитайте справочник по патанатомии и Хейли. А вот потом мы с вами поговорим! Собирайте вещички и на выход. Вы меня плохо поняли?

Глаза предательски защипало. Лика закусила губу и выскочила из кабинета. Только бы этот урод не увидел, до какого состояния он ее довел!

– Мне двадцать восемь лет! Я зам главного редактора. У меня две изданные книги. Я не обязана знать каждый термин для того, чтобы понять ситуацию в целом, – жаловалась она «фордику». Тот сочувственно гудел двигателем. – Так, еду в редакцию и пишу, что люди, имеющие дело с трупами, с живыми людьми общаться не умеют!!!

Вместо редакции Лика добралась до библиотеки. Взяла гору справочников и злополучного Хейли, все прочитала и позвонила Аркадию Гудкову, вооруженная даже значением слова «распатор».⁹ Кстати, аутопсия в переводе на нормальный язык переводится как «вскрытие». И стоило из-за такой ерунды закатывать истерику?

– Надеюсь, прочитанное пойдет вам на пользу. У меня нет никакого желания с вами общаться, – хмыкнул Гудков в трубку.

Она пару минут раздумывала, что предпринять. Есть знакомые в руководстве Минздрава. Всего один звонок – и главный патологоанатом станет белым и пушистым и все расскажет и покажет. Но смысл? Становиться на один уровень с человеком, которому нравится унижать окружающих? Это будет не победа, а поражение.

«Что ж, надо идти к судмедэкспертам, – решила Вронская. – Ничего не поделаешь, придется отвлекать тех, кто занят в большей степени и более серьезными делами. Работа та же, что и у патологоанатомов. Только задачи разные. Судмедэксперты проводят вскрытия в том случае, когда есть сомнения в компетентности врача, „залечившего“ человека до летального исхода. Ну и насильственная смерть – их сфера деятельности. Мера ответственности выше, и не хотелось бы их отвлекать, но другого выхода нет».

На сей раз Лике повезло. Руководитель бюро судебно-медицинских экспертиз Борис Уткин оказался настоящим фанатом своей профессии.

– Посетить морг? Пожалуйста, – сказал он после увлекательного и содержательного интервью. – Сейчас распоряжусь принести вам халат. Он одноразовый. Выбросите потом.

Лика вздрогнула. Халат? Зачем?

Уткин пояснил:

– Вскрытий проводится много. И крови во время этого дела – море. Капнет на вас, одежду испортите.

И вот все готово. Халат в рюкзаке, «фордик» прогрет, можно отправляться в путь.

Шлагбаум почему-то не поднимался.

– Ах да, газета! – вспомнила Лика.

Она опустила окошко, протянула Викентьевичу припасенный номер «Ведомостей» и нажала на газ.

⁹ Хирургический инструмент, напоминающий по форме грабли.

4

«Новый роман Виктора Пелевина „Шлем ужаса“ построен...»

Нет, все не так.

«В новом романе Виктора Пелевина затрагивается...»

Ерунда какая-то.

«Модный прозаик Виктор Пелевин по-прежнему в своем апмлуа...»

Марина Красавина в очередной раз стерла первую строчку обзора книжных новинок и в отчаянии уставилась на монитор. Неужели она писала легкие, полные иронии и глубокого анализа статьи? Писала. Кому еще заниматься книжными обзорами для журнала «Искусство»? Ведь она самый продаваемый в России автор мистических романов. В ее прозу проваливаются, утратив чувство времени. А статьи – мелочи, шелкаются легко, как семечки, работы максимум на час. Теперь же – полный ступор. Интеллектуальный паралич. В аду не получается мыслить. Черти, сковородки, грешники – какая чушь. Настоящий ад – вырванное сердце, холодные губы. Тоскующая пустота между ног. Того, кто мог ее заполнить, кто был для этого создан, больше не будет. Ад выглядит, как ангел. Кто знал, что все получится так больно, так серьезно...

Первая встреча с Сашей Сулимым в памяти не отложилась совершенно. Второй план, мелкая роль, незначительный персонаж. Кажется, он мелькал в коридорах редакции «Искусства». Марина определенно точно видела высокую мускулистую фигуру. Лыняные выющиеся волосы до плеч, какие-то коробки, туда-сюда, не разминуться на узкой лестнице с мальчиком, волокущим системный блок. Как-то он сидел за ее компьютером. Марина вышвырнула его, как котенка. Хотелось скорее просмотреть почту. Мальчик что-то протестующе забормotal, и она оборвала его. Какая дефрагментация дисков? Она сама в состоянии запустить на ночь программу...

Зачем сорокалетним женщинам мальчики? Материнский инстинкт спит и, видимо, уже не проснется. Молоденький любовник – смешно, неловко, мучительно завидно. Его юность подчеркивает косметическое бессилие. Второй план. Никаких шансов.

Все случилось вот из-за этого компьютера с белоснежно чистой теперь страницей «ворда». Компьютер объявил забастовку, зависал, потом почему-то постоянно перегружался. Самостоятельно обуздать технику не получилось. Марина набрала по внутреннему телефону секретаршу Лерочку, чтобы та нашла Антона, который всегда помогал ей в решении таких проблем. Но девушка лишь рассмеялась: «Мариш, ну ты даешь! Не дергай больше Зарицкого. У нас уже полгода как работает системный администратор. Я скажу ему, чтобы он к тебе зашел...»

Она впервые рассмотрела его глаза. Темно-карие. Ласкающая чернота под длинными ресницами. Такой резкий контраст – белые волосы и смуглая кожа, а волоски на тонких запястьях летающих по клавишам рук неожиданно темные.

– Это я сломал твой компьютер, – заявил Саша, реанимировав машину. В его голосе звучало раскаяние. – Ты никогда на меня не смотришь. Ты не здороваешься. Ты...

Он помолчал, потом решительно закончил:

– Ты самая лучшая. Я люблю тебя.

Марина щелкнула зажигалкой, глубоко вдохнула ментоловый сигаретный дым. Неожиданное признание ее здорово позабавило. Она, конечно, знала, что выглядит значительно моложе своих лет. Короткий ежик темных волос, хорошая кожа, отличная фигура. У нее теперь – да, все правильно, четыре любовника. Но все-таки признание мальчишки чертовски приятно!

– Сколько вам лет, молодой человек?

– Двадцать пять... Хорошо, двадцать два. Я люблю тебя. Я все для тебя сделаю. Только не прогоняй меня, пожалуйста.

Он приблизился и взял ее за руку. Саша искрился такой сумасшедшей энергетикой, что Марина потеряла голову. Захотелось узнать вкус его правильных, четко очерченных губ и почувствовать, как под рукой просыпается горячая плоть. Он сделал не тот жест, которого подсознательно она ждала – прижал ее руку к своему сердечку. Оно колотилось так отчаянно, и Марина с удивлением услышала собственный задыхающийся голос:

– Поехали ко мне...

«Что я делаю? – думала она, проскакивая перекрестки. „БМВ“, словно почувствовав ее нетерпение, разрезал ночь, как стрела. – Как это все совершенно не нужно. Зачем мне этот мальчик? Скорее бы добраться. Если ангелочек так хочет пасть – не в моих правилах этому препятствовать...»

Два лестничных пролета. Он прошел их обреченно, как узник, шествующий на эшафот. Пройдя в прихожую, Саша пробормотал:

– У тебя очень уютно.

Уютно. Насмешил. Уж к ее-то квартире такое определение не подходит. Марина могла бы поклясться – он даже не осмотрелся, упал на колени, прижался щекой к ее туфлям.

«Какой идиот», – подумала она и, сбросив обувь, прошла в ванную.

Он кинулся следом, стаскивая на ходу свитер, и обнял ее. Его неумелые пальцы нетерпеливо расстегивали блузку, запутались в застежке бюстгалтера.

– Детский сад, – пробормотала Марина, отстраняя горячие руки. – Не мешай, я сама.

Встав под душ, она обернулась и невольно залюбовалась Сашиним телом, пропорциональным, мускулистым и... Такой большой... Какой-то немальчишеский. Как неродной, честное слово.

– У кого ты его украл? – хрипло поинтересовалась она.

– А? Что?

Саша зашел в душевую кабину, и его член, пробуждаясь, коснулся ее бедра и замер.

Лавина поцелуев. Как Саша ее целовал! Губы, лицо, шея, живот, складочка между ног... Невыносимо, изматывающе, еще, только не останавливайся, да, вот так, вот там, еще, милый...

Он выпил ее первый оргазм, и Марина, трезвея, успела подумать: «Какое-то безумие. Мы сейчас шлепнемся в этой кабине. И косметика наверняка размазалась». Потом все мысли исчезли. Если он его и украл – правильно сделал. Потрясающий член – жадный, быстрый, *по размеру*, у нее такого никогда не было.

Они выбрались из душа, чтобы все повторить в спальне. И в прихожей. И даже на кухне.

Закрыв под утро за Сашей дверь, Марина честно себе призналась – этот мальчик, влюбленный, смешной, неловкий, был ее самым лучшим любовником, и ей опять его хочется так сильно, как будто бы ее сто лет не ласкал мужчина.

Не показывать своих чувств. Вынудить его уйти, потому что потом будет слишком больно. Избавиться от наваждения раз и навсегда. Рано или поздно он залюбуется чьей-нибудь нежной персиковой девичьей кожей – и что тогда? Чувствовать себя старой? Брошенной? Обманутой? Ни за что! Порвать все сейчас. Иначе потом он разорвет ее. А в сорок лет это больнее, чем в двадцать. Раненая душа заживает с годами все хуже и хуже. Медленнее. Мучительнее.

И когда Саша позвонил, и сердце радостно встрепенулось от мальчишеского голоса, Марина жестко сказала:

– Извини, сегодня я занята. Встречаюсь с другим. И не только встречаюсь...

– Конечно, – пробормотал он смиренно. – Понимаю. Только не прогоняй меня, любимая.

Любовь, как кислота, растворила в нем все – самоуважение, гордость, чувство собственного достоинства. Да хоть ковриком под ногами – лишь бы те ноги, которые по нему топчутся, были ее, Мариниными. Море сувенирных побрякушек, град эсэмэсок, всепрощающие губы, налитый желанием член.

«Он все стерпит. Катастрофа. Собачка. Моя собачка. Щеночек. Послушный и дрессированный», – рассуждала Марина, поражаясь плескавшейся в душе нежности и своему легкому, невесомому телу.

И все-таки эти отношения выматывали. Каждый день его хотелось все больше. Он был совсем рядом, со своими нежными руками, глупыми признаниями, цветами. Тем не менее Марине казалось: Саша невыносимо мешает. Жить, работать, флиртовать, наслаждаться собой и окружающими мужчинами.

Может быть, она его убедила-таки, что надо уйти.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Не звонил, не приходил. Исчез. А не в ее правилах предпринимать хоть что-либо для возвращения мужчины. Мальчика. Какой он еще мужчина? Мальчик... Похожий на ангела. Без которого начался ад.

Трудно даже припомнить, когда Марина чувствовала себя такой несчастной. Может, в юности? Яркой, незабываемой и вместе с тем выстывшей от одиночества, вечных проблем...

«Новый роман Виктора Пелевина...» – набрали безвольные пальцы.

Ах, нет. Это уже было. Что же делать?

Марина встала из-за стола, закурила сигарету и подошла к окну. Мокрый снег уныло засыпал Маросейку, лип к красно-желтой вывеске «Макдоналдса», припорошивал темные скелеты деревьев и макушки припаркованных у обочины авто.

«Что-то случится, – внезапно поняла Марина. – Что-то страшное и непоправимое. Все к лучшему. Перестану мучить окружающих. И себя».

Выражение лица зашедшего в кабинет человека было ей хорошо знакомо. На Марину Красавину всегда смотрят только так – заискивающе, преданно, с надеждой.

– Антон, мне не работается, – призналась она. – Уже час сижу за машиной, не написала ни строчки.

Антон Зарицкий развел руками.

– Сочувствую. У меня наоборот. Вдохновение. Работа спорится. Только что отписался про выставку молодого художника. Может, потому, что торопился к тебе.

– А чем тебе еще заниматься? Сам ты рисуешь ужасно. Остается только писать о том, как это делают другие, – Марина затушила окурочек в стоящей на подоконнике пепельнице и опять уставилась в окно. В голове вертелось: «Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает». Или – клин клином?

Словно прочитав ее мысли, Антон нерешительно сказал:

– Пойдем, перекусим? Работа – не волк. Времени у тебя вагон и маленькая тележка. До дедлайна¹⁰ еще неделя.

Марина вздохнула. Антон прав – журнал «Искусство» выходит раз в месяц. Времени подготовить обзор книжных новинок еще, и правда, более чем достаточно. Но этот умственный паралич... Мысли, не желающие отклеиваться от плоского живота с кубиками мышц, стекающие по линии волос к той штуке, которую мальчик украл...

– Поехали, – решительно сказала Марина, машинально приглаживая ершистую стрижку. – Только не в ресторан.

Антон радостно улыбнулся.

– Обожаю тебя.

– А я тебя. Ты мне очень нужен.

Вторая фраза находилась ближе к истине, чем первая, однако Марину это ничуть не заботило. Мужчины были в ее жизни пешками, которыми можно вести свою собственную игру. Во всяком случае почти всегда можно...

¹⁰ Последний срок сдачи материалов.

Первый визит в ее квартиру – Марина понимала это совершенно отчетливо – впечатление не для слабонервных. Кровавые пентаграммы на белых обоях, минимум мебели, никаких люстр, только светильники в форме свеч рисуют причудливые тени синими отблесками. За окнами – шумная Смоленская и небольшой дворик. Неон «Седьмого континента» и бабушки на лавочке. Дырчатый сыр, гостиница «Белград» с вечными огоньками и задыхающиеся в Москве старые липы. Но здесь, внутри, параллельный мир, ее личное пространство. И не только ее. Любимое местечко встречи всякой нечисти. Она ведь намного ближе, чем об этом принято думать. Она приходит сюда... «Как вы выдумываете сюжеты для своих романов?» – поинтересовалась у Марины однажды журналистка. Вот кретинка! Да не выдумывает Марина Красавина сюжеты. Она описывает то, что реально существует...

И все-таки Антон вздрогнул, хотя переступал порог этой квартиры не первый раз. И все вздрагивали. Кроме Сашки. Любовь слепа? Неужели он, и правда, видел только ее, Марину?

– Хочу тебя, – руки Антона скользнули под юбку, погладили ягодички. – Соскучился...

Его дыхание холодило мятой, и это раздражало, мешало представлять другой рот, пахнущий клубничной жевательной резинкой, нежный, волнуемый.

И руки не те, и член, да все, все не так, не то, неправильно.

Но рядом с Антоном можно быть собой. Не мучиться угрызениями совести. И не бояться того, что станешь любимой, а потом задохнешься от одиночества.

«Быть счастливой очень сложно, – думала Марина, лаская любовника. – Не хочу. Не буду. Сердце, заживай скорее...»

5

Если бы у следователя московской прокуратуры Владимира Седова кто-нибудь вздумал поинтересоваться, любит ли он ноябрь, он бы честно признался: ненавидит. Серый, промозглый месяц. А после пятнадцатого числа жизнь представлялась особенно трагичной. Пара застолий в честь собственного дня рождения сдавливала голову обручем тупой боли. Супруга Людмила ворчала. А маленький Санька, чувствуя недовольство матери, капризничал ночами напролет.

Володя смахнул со стареньких, но все еще резвых «Жигулей» размокший сахар снега. Сел за руль, повернул ключ в замке зажигания и сразу же понял: зря он чистил машину. Аккумулятор сдох окончательно и бесповоротно. Из-под капота доносились скребущие металлические звуки, двигатель не заводился. Он вышел из машины, нашел среди сваленных в багажнике инструментов провода. И минут пять переминался с ноги на ногу, ожидая проезжающее мимо авто, от которого можно «прикурить» его аккумулятор.

Через залитый молочным туманом двор медленно волочился бомж с огромным позвякивающим пакетом. На редкость бесполезное в данной ситуации создание.

Седов посмотрел на часы. Если звонить кому-то из ребят, то они приедут минимум через полчаса. И тогда все вместе точно опоздают на утреннее совещание, и шеф опять разорется, попутно припоминая все его грехи – как реальные, так и существующие исключительно в воображении начальника.

В синем прокурорском костюме, сдавливающем плечи, ехать в метро особенно не хотелось. Еще галстук этот форменный, удавка, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Обычно он ходил на работу в джинсах и свитере. Однако на встрече с начальством приходится выглядеть прилично, и вот он втиснут в шкаф костюма, и в нем так неудобно...

Делать нечего. Седов закрыл предательницу-машину, тяжело вздохнул и направился к ближайшей станции метро. Благо та даже по московским меркам находилась близко, в двух минутах ходьбы от дома.

Следователь миновал аллею киосков. Прошел по длинному переходу, приложив некоторое усилие, чтобы не тормознуть у окошка со сдобой. Людмила, как и всегда во время размовок, завтрак готовить отказывалась. Владимир выпил лишь чашку обжигающего чая. Пара конвертиков с сыром пришлась бы кстати. Но куда с ними в вечно спешащую толчею? А вот едкую московскую газету все-таки надо купить. Ехать до прокуратуры минут сорок. Заодно и окончательно проснется, поглощая хлесткое журналистское творчество.

Весьма удачно выиграв спринт к свободному месту в вагоне, Володя минуту поизучал коленки сидевшей напротив девушки. «М-да, нельзя ездить по утрам в метро в таких коротеньких юбочках и высоких сапожках. Граждане, вместо того, чтобы настраиваться на рабочий лад, представляют... Ладно, хватит, размечтался», – оборвал собственные рассуждения Седов.

Стянув куртку, он развернул газету и вздрогнул. «Оборотни в прокуратуре. Подростка обвиняют в убийстве тетки», – гласил заголовок.

Седову стало холодно в душном вагоне. Он так и знал: ничего хорошего от дела об убийстве Инессы Моровой ждать не следует. Никаких концов. Единственно возможный подозреваемый – племянник, но Володя уже давно отказался от идеи предъявить ему обвинение. Однако газетчиков это мало волнует. Слетелись стервятники, смакуют подробности. Уголовный кодекс надо чтить. Но иногда ой как не хочется. Придушил бы таких писак собственными руками!

Он читал пафосные строки статьи, машинально отмечая: фактуры, слава богу, немного. Это значит, что никто из коллег информацию газетчикам не сливал. Скорее всего кто-то из родственников убитой женщины имел знакомых журналистов. Возможно, ее племянник Егор.

Картина, представшая в ту ночь перед глазами приехавшей на вызов дежурной опер-группы, заставила побледнеть даже профессионалов. Женщина лежала на полу в прихожей со следами множественных, как написал позднее в протоколе Седов, ножевых ранений. Обычным языком выражаясь, потерпевшую изрубили в капусту, и выглядело это жутко. Перешагнув через залитое кровью тело, оперативник Паша метнулся в ванную, и все вокруг сразу же наполнилось клубами пара. Потоки воды устремились по коридору, и Володя, в нарушение всех процессуальных норм, схватил расстеленную у входной двери тряпку и принялся ликвидировать потоп.

– Тряпку можно было бы отправить на экспертизу, – ворчал из прихожей криминалист Сергей Бояринов.

– Ага, давай, тяни одеяло на себя. Пусть тело плавает в воде. Тебе-то что! Тебе главное – пальцы откатать! – судмедэксперт Александр Гаврилов был вне себя от гнева. Да и второе ночное дежурство подряд давало о себе знать. – А мне, значит, гемморойся потом и со сдвинутым телом, и со шмотками замоченными!

Седов прислушивался к их перепалке, орудовал тряпкой, отдавал Паше распоряжение вызвонить еще пару оперов для опроса свидетелей, орал на возникших в дверном проеме и сразу же испуганно заголосивших понятых. Просто Юлий Цезарь при исполнении.

– Это мы позвонили в милицию, – всхлипывала тетка, одергивая с трудом сходящийся на рубенсовских формах халат. – Живем внизу. Дом панельный, все слышно. Часа три назад...

– Да точно три, – перебил ее худой лысоватый мужчина в спортивном костюме. – По НТВ как раз последний выпуск новостей начинался.

Тетка бросила на мужчину презрительный взгляд, красноречиво свидетельствующий, кто в доме хозяин. Затем поправила прикрывающий утыканную бигудями голову платок и властно заметила:

– Петька, помолчи. Инесса вскрикнула. Потом что-то упало. Но мы тогда подумали – мало ли чего. Может, с Егором поссорилась, а потом уронили что.

– Так, – Седов последний раз отжал бесславно погибший вещдок в раковину и вернулся в прихожую. – Егор у нас кто?

Петр явно жаждал общения.

– Так племянш ее, елы-палы!

Тетка зашипела, как кобра, покосилась на тело соседки и всхлипнула.

– Племянник. Пятнадцать лет ему вроде. Они часто ругались. Короче, мы уже спать легли. И я слышу – стучит что-то, барабанит. Я в ванную. Вода с потолка льется сплошным потоком. Мы давай Инессе в дверь колотить. Не открывает. Потом в РЭУ дозвонились. Те про крик услышали, и заявляют – вызывайте милицию, мы уже один раз такую квартирку вскрыли, больше не хотим, полгода показания давали. Вот так все и вышло. А что же это получается? Егор родную тетю зарезал. Господи, людцы божьи, что творится на белом свете!

Петр отступил от супруги на пару шагов и с вызовом заметил:

– А может, и не Егор это вовсе, вот!

– Петька, молчи! – взвилась женщина. – Как это не Егор! Типа, ты не помнишь, как он хотел, чтобы Инесса квартиру на него переписала?

– Хотел! Мало ли кто чего хочет?!

Супруг, не желая капитулировать, вдохнул побольше воздуха, намереваясь выплюнуть очередную тираду, но запнулся, прерванный следовательским:

– Граждане понятые, попрошу прекратить ругань! У вас еще будет возможность дать показания органам следствия!

Пусть заткнутся. Любое убийство – минимум пять часов работы. Нарисовать планы комнат, оформить направления для экспертиз, протоколы, опросить возможных свидетелей. Потерпевшая – светлая ей, бедняжке, память – покрошена в капусту. Да здесь описание всех

нанесенных ударов часа два займет. А тут... Вот ведь странные люди – обыватели. Стояли бы тихонько и скорбели. Нет! Всегда больше всех надо. Главные знатоки! Орут, на мозги давят. Предположения высказывают. Умные выискались!

Седов сел на пуфик, достал из дипломата чистый бланк протокола осмотра места происшествия и принялся быстро заполнять первые строчки. Собственную должность, имена-фамилии экспертов, адрес проживания понятых.

– Осмотром установлено, – Володя повернулся к Александру Гаврилову, присевшему над телом женщины с линейкой, и выразительно на него посмотрел.

– Труп женского пола, правильного телосложения, удовлетворительного питания, трупное окоченение отсутствует во всех обычно исследуемых группах мышц, – забормотал судмедэксперт, стаскивая перчатки. – Кожные покровы тела восково-бледные, трупные пятна синюшно-фиолетового цвета, разлитые, насыщенные, располагаются на задне-боковой поверхности тела, при надавливании на них пальцем обесцвечиваются и восстанавливают первоначальную окраску через 10 секунд...

Закончив описание тела, Седов переместился в уже мельком осмотренный зал и огляделся по сторонам.

– А ведь она собиралась куда-то, – под нос пробормотал он. – Вот, на диване разложено нарядное платье. Гражданка Инесса Морова 1959 года рождения, не замужем, детей нет, явно планировала принять ванну, принарядиться и куда-то отправиться. Уж не на свидание ли?

Тетка-понятая после высказанного следователем предположения вновь активизировалась.

– Могла она собираться на свидание. Запросто. Инесса все мужичка подыскивала. Кому одной охота век вековать? – она обернулась на задремавшего в кресле супруга, посмотрела на него почти с нежностью. – Да не получалось ничего у Инессы. Нет нынче нормальных мужичков, какие-то ей все время несолидные попадались.

– А вы этих несолидных видели? – оживился Седов.

Следующие полчаса он добросовестно записывал сведения про Ваську из соседнего подъезда, Борис Михалыча – крутого парня и тэ дэ и тэ пэ. Затем в квартиру ввалился полупьяный подросток, который, икнув, воззрился на тетку и удовлетворенно воскликнул:

– Замочили суку! Наконец-то! Так ей и надо.

Еще раз икнув, он перевел взгляд на следователя и экспертов.

– А вы кто?

– Конь в пальто. Базар фильтруй! – отрекомендовался Володя.

Егор счастливо улыбнулся, и тогда Седов не сдержался, схватил его за ворот куртки, встряхнул как следует.

Цинизм молодого человека настораживал...

Как и предполагал Седов, дело об убийстве гражданки Инессы Моровой передали в его производство. Во-первых, именно ему «повезло» дежурить в ночь, когда обнаружили тело. Во-вторых, он недавно прикрыл по истечении срока давности совершенно не раскрываемый «висяк», и теперь был перед суровой статистикой чист, аки младенец, чем руководство и не преминуло воспользоваться. Володя к такому решению отнесся с пониманием. Действительно, неправильно, когда ребята-следователи «зашиваются» с «сиротскими» трупами, а у него все «в шоколаде». Пара краж, нанесение тяжких телесных повреждений и бомжик, порешивший сожительницу по причине ревности и добровольно во всем признавшийся. Мелочи, рутина...

Он еще в ночь осмотра места происшествия решил: что-то с этим Егором нечисто. Пусть подросток, переходный возраст и все такое. Но так откровенно радоваться смерти тетки, которая, добрая душа, взяла его на воспитание после смерти матери. Не сдала мальчишку в детдом, а помогала, во всем себе отказывая. Жила-то Морова, судя по обстановке в квартире, более чем скромно...

Ход следовательских умозаключений развивался следующим образом. Соседи в курсе: отношения тетки с племянником напряженные, конфликтные. Так что мотив убийства – корыстный интерес, пресловутый квартирный вопрос – у Егора имелся. Порешив тетеньку и напуская на себя сочувственный вид, он вызывал бы подозрение. А вот его веселье по этому поводу, наоборот, заставляет следствие думать: ну какой бы убийца так привлекал к себе внимание? Значит, невиновен. И отрока Егора оставляют в покое, он наслаждается полученной квартирой и в ус не дует. Следствие ищет мужиков Инессы, проверяет связи на работе, в общем занимается чем и кем угодно, только не племянником. А у парня просто могут быть железные нервы. Личность молодого человека нуждалась в пристальном изучении...

Формально у племянника имелось алиби. В течение тех нескольких часов, когда, по заключению эксперта, наступила смерть Инессы Моровой, Егор веселился в ночном клубе «Золотой орел». Но оперативник Паша, сгонявший в данное заведение, выяснил: за напитки парень, используя карточку постоянного клиента, дававшую право на пятипроцентную скидку, расплачивался в десять вечера и в полтретьего ночи. В клубе шумно, многолюдно, и теоретически подросток, который к тому же часто бывает в «Золотом орле» и, вероятно, знает, где располагается служебный вход, вполне мог уйти из клуба незамеченным. Порешить тетюшку, а потом вновь вернуться.

Для активизации мыслительной деятельности Егора Володя Седов на недельку поместил отрока в следственный изолятор, постоянно ему напоминая: добровольное признание смягчает вину. Далее был проведен следственный эксперимент, и он разбил стройную, как казалось Седову, версию, вдребезги. По времени, затраченному от клуба до квартиры и обратно, все сходилось, но впритык. Вплоть до минуты. Однако мальчишке после убийства надо было где-то отмыться-преодеться. В ванной следов его пребывания не обнаружено. И если бы он отправился к условному сообщнику – то никак не мог успеть к половине третьего ночи в клуб. Экспертиза одежды, изъятой у Егора, не выявила следов вещества, похожего на кровь...

Распечатка номеров, на которые звонил в ту ночь со своего сотового мальчишка, окончательно доконала следователя. Проверка показала, что один из абонентов, указанных в списке, находится в разработке соответствующих служб в связи с возможной причастностью к торговле наркотиками.

Мальчишка – наркоман. Но не убийца. И все же Седов не испытывал ни малейших угрызений совести в связи с тем, что «закатал» невинного человека в СИЗО. Такому – только на пользу. Авось поумнеет.

Тем не менее сегодня, после оперативки у руководства Седов планировал подъехать к Егору с постановлением об освобождении его из-под стражи.

«Органы прокуратуры уверяют: делается все для сохранения правопорядка в стране. Они декларируют, что занимаются борьбой с преступностью. Однако как можно объяснить тот факт, что ребенок, в отношении которого не имеется ни малейших подозрений, находится в тюрьме? Мы постараемся быть в курсе расследования, и не исключаем что со временем накопим что-нибудь еще...»

«Копайте, милые, копайте, – злобно подумал Седов, вставая со своего места. – Жаль, времени нет с вами судиться, преступников ловить надо. Щелкоперы проклятые...»

Он вышел из вагона, чуть не вздремнул на монотонно гудящем эскалаторе и рефлекторно притормозил у киоска со сдобой. Вид любимых конвертиков с сыром не вызвал воодушевления.

«Правильно говорил профессор Преображенский в фильме „Собачье сердце“. Не читайте до обеда советских газет. Других нет – вот никаких и не читайте», – думал Седов, спеша к родному двухэтажному зданию с облупившейся штукатуркой и восседавшему там еще неродному шефу Карпу.

Вообще-то у нового начальника Седова было, как и полагается, имя-отчество. Месяц назад он занял кабинет ушедшего на повышение экс-шефа. И когда назвал свою фамилию – Карпов, Володя сразу понял: отныне за глаза величать шефа будет только Карпом. Уж больно похож – пучеглазый, лоснящийся, с тонкими губами и вываливающимся из костюма брюшком.

То, что Карп к совету профессора Преображенского не прислушивается, Володя осознал прямо на пороге кабинета начальника. На длинном столе у окна лежала растрепанная газета, и Карп возмущенно тыкал в нее пухлым пальцем.

– В то время как президент ставит задачи по улучшению работы аппарата следствия, мы даем повод для появления вот таких статей. Пожалуйста, полюбуйте, оборотни в прокуратуре! А что будет завтра? – взгляд Карпа оббежал понурившихся следователей и споткнулся о тихонько присаживающегося за стол Седова. – О! А вот и герой этой публикации! Подсунул мне ордер на задержание. Журналисты правы: мы не имели права помещать подростка в СИЗО.

«Перетрусил. Боятся, что его сделают крайним», – подумал Седов, а вслух сказал:

– Видели бы вы этого подростка! Увидев зарезанную тетушку, он сказал что-то вроде: так тебе, сука, и надо. Однако проведенная по ходу расследования данного уголовного дела работа позволяет вычеркнуть Егора Красильникова из числа подозреваемых. Сегодня планирую подготовить постановление об освобождении его из-под стражи.

Карп налил из стоящего на столе графина воды, одним махом опрокинул стакан и с новыми силами принялся распекать Седова.

Раскатистый басок шефа ничуть не мешал Володе. Он устался в блокнот с записями о мужчинах Инессы Моровой и прикидывал, кого первым вызвать на повторный допрос. У каждого своя работа. У него – ловить преступников. У шефа – орать. Может, и были где начальники, которые вели себя по-другому, однако Седов за почти пятнадцать лет работы в прокураторе таковых не встречал. И привык отключаться во время таких головомоек. Только вот к костюму тесному не привыкнуть, видимо, уже никогда...

Он очнулся от своих размышлений, когда в кабинете наступила тишина.

Карп уже стоял у стола, прижав к уху телефонную трубку и делая пометки в блокноте.

– Тоже женщина? Со следами множественных ножевых ранений? И тоже не замужем? В какой морг доставили тело? Кто выезжал на место происшествия? Понятно... Спасибо за информацию...

Сидевший рядом следователь Виктор Збруев толкнул Седова в бок и, наклонившись, прошептал:

– Получите дубль-два...

– Округ не наш. Но – тоже женщина и тоже зверски зарезана. Давайте, Седов, поезжайте в морг и к следователю. Чтобы мы потом лишним бумаготворчеством не занимались, – отчеканил Карп. – Совещание закончено. Да, Седов, кстати. Мальчика-то выпустите!

В коридоре Володя, задержавшийся для получения на документах размашистых автографов Карпа, нагнал Збруева.

– Амнистию покорми. И воду ей поменяй.

Тот согласно кивнул. Зеленая попугайха, подаренная друзьями Седову на день юриста, пользовалась в прокуратуре всеобщей любовью.

Дежурные «Жигули» во дворе, к счастью, еще никуда не успели умчаться.

– Сначала в СИЗО. Потом в морг, – сказал водителю Седов, опускаясь на сиденье автомобиля.

6

Из дневника убийцы

Наверное, зло поселилось во мне раньше, чем это стало осознаваться.

Мне года четыре. В детском доме ужасно холодно, ледяное дыхание сквозняка врывается в нашу спальню через плохо заклеенные окна. Я встаю со скрипучей кровати и осторожно открываю дверь. За ней – комната, где мы рисуем, складываем кубики, играем в «ручеек». Сейчас я сделаю то, чего мне хочется больше всего на свете. За стеклянной дверцей шкафа – паровозик и кукла с серебристыми волосами. Эти игрушки нам дают очень редко. Как плакала Женька, когда тетя Валя отобрала у нее куклу. Какой раздувшийся от гордости ходил Мишка – ему удалось протащить по комнате паровозик на длинной ниточке. Мне никогда не хотелось играть с этими игрушками.

Сейчас, сейчас...

Я открываю шкаф. Полка расположена слишком высоко. Подтаскиваю стул, сначала хватаю паровозик. Как сложно откручивать колеса. Легкий пластмассовый корпус ломается без труда. Теперь кукла. Отрываю ей голову, сдергиваю волосы, разрываю одежду. Веки становятся тяжелыми. Я засыпаю здесь же.

Плевал я, что бьют линейкой, что не дают каши. Мне было очень хорошо...

Я люблю делать людям больно. И, оказывается, люблю убивать. Смерть – это так приятно. Расширившиеся глаза обреченных. Мой источник вдохновенья. Чужая смерть – моя жизнь. Никто ни о чем не узнает. Все продумано до мелочей. Как жаль, что нельзя взять с собой видеокамеру. Остается лишь дневник. Я смакую воспоминания о каждой минуте и предвкушаю, как это повторится снова и снова...

Глава 2

1

Берлин, 1892 год

Слишком хорошо, чтобы быть правдой. И все-таки он здесь, в Берлине, недалеко от Унтер ден Линден.

Эдвард Мунк удовлетворенно прошелся по залу художественной галереи. Высокие своды долго не отпускали звук его шагов. Отличное помещение – просторное, светлое. Даже посаженные на бульваре липы ничуть не мешают потокам яркого солнечного света наполнять комнату нежным теплом осени.

Торопиться с развешиванием работ, находившихся в трех деревянных ящиках, не хотелось. Безусловно, Эдвард все сделает сам. Его работы. Его дети. Да разве рабочие смогут разместить их в зале как следует? Нет, только он отыщет для каждой картины отличное местечко. Но чуть позже.

Эдвард подошел к окну и облокотился на подоконник. Чуть сбоку, по Паризер-Плац, бегут экипажи. Едва заметная шаль облаков укрывает колонны Бранденбургских ворот. На их вершине великолепная, чуть позеленевшая, четверка скакунов, управляемая богиней Победы, мчится прямо в небо. Эдвард уже был в Пруссии пять лет назад. Только не здесь – в благородном центре Берлина, в лучшей художественной галерее, предвкушая открытие своей выставки. Тогда, сожженный огнем критики, разочаровавшийся в своем собственном призвании, он бросился в Европу, как в омут, и здесь, на берлинском вокзале, у него не осталось ни гроша. Не было никого, ничего, кроме тяжелого ящика с картинами, который хранил всю его боль, надежды. Жизнь...

Голод грыз внутренности только первых два дня. Потом тело стало легким, невесомым. Эдвард бегал напиться к фонтанчику в центре вокзального зала и вновь спешил к картинам. Когда уже не хотелось пить и когда даже не осталось сил бояться, что прикорнувший по соседству грязный оборванный старик украдет холсты, Эдварда энергично встряхнули за плечо. Он с трудом разлепил глаза и сразу же испугался. Потом стиснутое страхом сердце забилось ровнее. Напрасно он так встревожился из-за синей одежды незнакомца. На склонившемся рыжеволосом парне не форма полицейского. Он железнодорожник, и уж конечно, у него нет никаких прав тащить его в участок. А сидеть на вокзале можно и без билета.

– Вам следовало пойти к консулу Норвегии, – сказал парень, выслушав сбивчивые объяснения Эдварда. – Он бы дал вам денег и отправил на родину. Вот, возьмите...

В ладонь Эдварда опустилась пара купюр. Покраснев, железнодорожник извлек из-за пазухи сверток и также протянул его Эдварду. В нем оказалась сосиска. Восхитительная, еще теплая, политая горчицей сосиска и кусок белой булки! Уничтожив последние крошки, он понял, что только что отошел от темной пропасти самоубийства.

«Берлинцы всегда были добры ко мне, – растроганно подумал Эдвард, подходя к ящикам с картинами. – Мне должно повезти и сейчас. Это мое первое приглашение организовать свою выставку. Какая удача...»

Он сорвал закрывавшие ящики доски и волнуясь принялся извлекать картины.

«Больная девочка». Лучшая работа. Пусть же посетители выставки, входя в зал, увидят ее первой. Рыжеволосая девочка, прислонившаяся к высокой подушке, светла и безмятежна. Ее уже нет в этом мире. Она превращается в свет, покидающий землю. Лицо сидящей у постели женщины склонило горе, отчаяние сдавливает узенькие плечи. Обреченностью и безысходностью веет от всей ее фигуры. Пузырек с лекарством, стакан на тумбочке – не помогли, не поз-

волили девочке зацепиться за жизнь. Софи и Карен. Эдвард рисовал свою боль. Кажется, перед холстом позировали натурщицы. Так принято, так полагается. Они были ему не нужны, ведь он до сих пор помнит дыхание смерти, оторвавшей от него Софи. Но все же зачем-то приглашал модели, и девушки замирали перед мольбертом.

Эдвард отошел на пару шагов и посмотрел на прислоненную к стене «Больную девочку». Получилось. У него получилось именно так, как он хотел. Картина живет, дышит, болит. В нее входишь, как в церковь. «Это не рука девочки, а рыба в креветочном соусе», – писали про его работу в Норвегии. Болваны, что они понимают, эти критики!

Еще одно его полотно. «Весна». Посетители выставки так и не узнают, что за окнами комнаты блестела зеркальная голубая гладь фьорда,¹¹ но Эдвард, поколебавшись, все же убрал ее. Голубая краска – это лишнее. Весна – она желтая, пузырит занавеску, касается солнечными зайчиками выбеленных стен, освещает лицо сидящей в кресле девушки, прыгает на колени вяжущей матери. На матери черное глухое платье, волосы убраны в узел. Это опять Карен, недоступная, так и не позволившая Эдварду приблизиться. Он мечтал, и ждал, и весна врывается в него новыми надеждами.

Решено – по центру зала будут размещены ранние работы. А по бокам – солнечные вихри, яркие пятна, его Париж.

Эдвард прислонил к стене «Улицу Лафайет» и пробормотал: «Как точно выписана геометрия зданий. Странно. Я ведь почти ничего не помню...» Почти? Нет, все же что-то зацепилось в памяти. Он получил стипендию, позволившую ему поехать в Париж. Посещал курсы портретиста Леона Бонна, бродил по бесчисленным галереям с картинами Мане, Писсарро и Синьяка. И при этом был пьян, совершенно пьян. Утром он пил вино, чтобы протрезветь, вечером – чтобы вновь пуститься в плавание по волнам теплого хмеля.

– Рабочие! Прикрепите картины, и именно в таком порядке. Не перепутайте ничего. Это важно! – крикнул Эдвард.

Он вышел на улицу и, в легкой дымке сумерек, заторопился в свою мансарду. Горничная, должно быть, уже почистила праздничный сюртук и принесла накрахмаленную рубашку.

Пара марок приятно тяжелила карман. И все же Эдвард не стал окликать извозчика, справедливо решив: деньги понадобятся позднее, вечером, когда стремительный экипаж доставит его прямо на порог триумфа. А до своей мансарды, расположенной в меблированных комнатах фрау Шниттель, он совершенно спокойно доберется пешком. О, его ждет триумф в кругу друзей! Август Стриндберг, писатель и драматург, давний приятель, обещался быть всенепременно. Конечно же, придет Аделстен Норманн, директор консервативного Союза берлинских художников, приложивший немало усилий для того, чтобы выставка состоялась. Будет поэт Станислав Пшибышевский. И... Дагни... Очаровательная норвежка. Его муза. Разве можно остаться равнодушным к ее черным очам и выющим, заколотым в высокую прическу, локонам?

В просторном холле дома глаза защипало. Эдвард машинально понаблюдал за прорывающимися сквозь печную решетку огонькам пламени и заторопился вверх по лестнице. К счастью, в мансарде дыма почти не чувствуется. Но и тепла тоже. Чадающая угольная печь, которую на ночь протапливает горничная, остывает, так и не прогрев комнатенку, которую они снимают вместе с Густавом Вигелланом.

Он был дома – светловолосый, широкоплечий, похожий на свои высеченные из камня скульптуры, как отец напоминает сына, неуловимо и точно.

Густав возился с эскизом и, поглощенный работой, едва кивнул Эдварду.

– Придешь на выставку?

Тот раздраженно на него посмотрел и пожал плечами.

¹¹ Узкий глубокий морской залив с высокими крутыми и скалистыми берегами.

– Мне некогда.

На белом листе бумаги – Эдвард заметил это, проходя к табурету с медным тазом и кувшином воды – чернели контуры мужской сидящей фигуры.

«Вечно Густав крадет идеи. То у меня, то у Родена», – подумал Эдвард, принимаясь за умывание. Привычного раздражения по отношению к Густаву не возникло. Наоборот, захотелось, чтобы и он был счастлив.

Тот тоже пребывал в хорошем настроении.

– Можешь взять мой галстук, – сказал Густав, покусывая карандаш. Он смешно насупил белесые брови и тут же забыл об Эдварде.

Эдвард умылся, пригладил гребнем волосы, взглянул в потемневшее зеркало. Может быть, он и красив? Волнистые светлые волосы. И глаза хороши, голубые, как море. Пропорции лица правильные, аристократичные. Вот только линия рта слабая, однако это скрывается щеточкой светлых усиков. Может быть, именно сегодня Дагни поймет, что он хочет быть ей не просто другом? Хорошо, если так...

Он быстро переоделся в приготовленную горничной одежду, повертел в руках галстук Густава. Он более новый, бесспорно. И все же Эдвард повязал свой собственный. Ведь это его праздник!

Он захлопнул за собой дверь и бросился вниз по дымной лестнице. Возницы на углу оживились – ведь к ним приближается хорошо одетый высокий господин.

Задумчиво посмотрев на лошадей, готовых мчаться куда угодно по вымощенной булыжником мостовой, Эдвард передумал брать экипаж. Он собрался слишком быстро, до открытия выставки еще много времени. Хочется чуть опоздать, понаблюдать, как посетители рассматривают картины...

В горящих окнах галереи Эдвард сразу заметил Дагни. Яркий факел... Красное платье, схваченное поясом, расходится вниз широкими складками. Но она, увы, поглощена не картинами. Рядом Стриндберг, представляет ее Станиславу, лицо Пшибышевского необычайно оживлено.

Эдвард переместился к следующему окну и окаменел. Не слышно, о чем говорит сутулый человек в черном фраке и цилиндре. Но вся его поза – возмущение. И он – возле его лучшей работы. Еще группка критиков. О боже – хохочут...

По широким ступеням галереи Эдвард поднимался с нехорошими предчувствиями. И не ошибся.

– А вот и господин Блунк, – бросился к нему тот, сутулый. – Вы импрессионист. Не могу сказать, что я в восторге от ваших картин.

– И я возмущен!

– Эта выставка – позор для Германии.

Критики были похожи на змей, на гадких червей, на болото, засасывающее в преисподнюю.

Эдвард гордо вскинул голову.

– Моя фамилия Мунк, господа. И я не импрессионист, хотя кое-что в технике Ван Гога мне нравится чрезвычайно, – громко сказал он, и публика замерла.

Пламенная Дагни сразу же бросилась к нему.

– Эдвард, поздравляю, прекрасная выставка.

Мунк пожимал протянутые руки друзей и думал: «Все кончено. Как все глупо».

– Вы очень талантливы. Вас ждет большое будущее...

Он не знал невысокого полного человека с орлиным профилем, и тот не преминул представиться:

– Альберт Кольман, торговец живописью.

Эдвард растерянно кивнул и направился к Августу Стриндбергу. Слова, пустые слова, напрасно его утешает смешной толстячок.

– Это провал, – шепнул Эдвард Августу.

Тот понурился. А с чем спорить? Все ясно. Провал – он и есть провал.

Мунк огляделся по сторонам и горько заметил:

– Станислав не отходит от Дагни. Зачем ты их только познакомил!

Стриндберг ревниво покосился на прохаживающуюся вдоль картин парочку. Он и сам безнадежно любил Дагни.

Среди присутствующих в художественной галерее в тот вечер людей только один человек пребывал в прекрасном расположении духа. Альберт Кольман вглядывался в работы Мунка, понимая – бессильное шипенье критиков не имеет равным счетом никакого значения. Он сделает на этом художнике миллионы! Уж он-то своего не упустит!

2

А вот одеваться тепло, направляясь в морг, не стоит. Все почему-то думают, что там холодно. Может, в холодильниках, где лежат тела, действительно не жарко. Но кто лезет в холодильник?

Ли́ка Вронская поднималась в кабинет эксперта Дмитрия Ярцева, понимая: зря запаковалась в два свитера. И носочки, связанные Мусей, совершенно напрасно одела. Она здесь всего пару минут – а уже взмокла, как в сауне.

«Ну, с богом», – подумала она, распахивая дверь комнаты.

– Здравствуйте, я – Ли́ка! Дмитрий Николаевич, вам Уткин должен был звонить насчет меня!

Она выпалила эти фразы и растерялась. В кабинете трое мужчин, ростом за метр восемьдесят, а лица... Голливуд скрежещет зубами в мучительной зависти.

– Проходите, девушка, – отозвался тот, кого Ли́ка сразу же мысленно окрестила Аленом Делоном. – Вот знакомьтесь – это наши практиканты, Андрей, Игорь.

Ли́ке потребовался срочный мысленный аутотренинг:

«Какие красавцы! Брэд Пит и Джордж Клуни. Ой, мама: я люблю Пашу, я люблю Пашу, я очень люблю Пашу».

Впрочем, ее гражданскому браку ничего не угрожало. Быстрый взгляд профессиональной журналистки отметил обручальные кольца на руках у симпатичной троицы.

«Понятно, почему женатые. Из мединститута холостыми не выходят. Но почему такие красивые?!» – изумленная, Ли́ка стащила куртку, которую тут же галантно подхватил Джордж Клуни, потом сняла один из свитеров.

– Продолжайте, девушка, – одобительно улыбнулся Ален Делон. – А потом мы с вами хлопнем спиртика и отправимся в секционную. И бутерброды сжуем там же. Излюбленный пассаж романистов. Пьяные эксперты и санитары закусывают рядом с трупами.

Ли́ка расхохоталась, втайне радуясь, что у нее в романах такой оказии не случалось. И теперь – уж точно не случится. Напряжение и волнение понемногу отступили. Так и сидела бы в этом кабинете, окруженная голливудскими красавцами. Кстати, надо бы спросить на всякий случай, какие еще неточности допускают при описании их профессии...

– Время смерти невозможно установить с точностью до минуты. Смешно читать – убили в четверть первого. На самом деле мы всегда разбежку даем. От пары часов до нескольких суток. Если скелетированный труп обнаружен через полгода – дата наступления смерти еще более условна. Да, Ли́ка! Надо вам халат дать, – Ален Делон повторил фразу начальника бюро судебно-медицинских экспертиз, и Вронская встрепенулась.

– У меня есть. Борис Иванович выделил. Только вот как с ним разобраться, – она растерянно посмотрела на извлеченный из рюкзака голубой халат. – Рукава из него как-то странно растут.

– Это вам странно, – Джордж Клуни ловко набросил халат на Ли́ку. – Вы, когда в халатик кутаетесь, запахиваете его спереди. А этот надо разрезом назад надевать. О, хороша, как мумия.

Ли́ка попыталась пошутить:

– Я акцентируюсь на слове «хороша».

Все в порядке. Карман джинсов оттопыривает пакетик, который она захватила на случай внезапной тошноты. На заре журфаковской юности писала статью про операции по замене почек, полночи провела в больнице, наблюдая за действиями хирургов. Операция полостная, долгая – и ничего, выжила. Правда, тогда радовалась безумно за находившуюся в операцион-

ной женщину – новая почка избавит ее от вечного гемодиализа, невероятных мучений. В морге же поводов для радости нет...

– Идем, – сказал Ален Делон, выходя из-за стола. – Ребята, захватите перчатки.

Лучше сразу их честно предупредить.

– Вы знаете, – голос Лики дрогнул от волнения. – Я думаю, что не буду падать в обморок. Постараюсь. Но вы поймите – я-то без медицинского образования. Непривычная. Так что мало ли что.

Брэд Пит солнечно улыбнулся.

– Лика, не переживайте. У нас сегодня всего дюжина трупов. Мы будем вскрывать четыре, остальные в камерах. Там полно свободных каталок! Есть куда падать.

Пропустив мужчин вперед, Вронская спустилась по лестнице, прошла в комнату, уставленную полками с какими-то склянками, принялась их разглядывать. Сразу заходить в секционный зал было страшно. В дверном проеме сустились санитары в зеленых фартуках. Они перетаскивали тела с каталок на прозекторские столы.

«Санитары на главные роли в фильме не тянут. Разве что второстепенными персонажами могут быть. Садовниками или шоферами. А вот девчонки в белых халатиках, прислонившиеся к подоконнику, тоже очень ничего. Невероятное совпадение, но опять Голливуд: Брук Шилдс и Шэрон Стоун. Почему все красивые люди работают в морге?» – размышляла Лика, не решаясь войти в зал.

Наконец, она набрала в грудь побольше воздуха, резко выдохнула, прошла внутрь и усеялась на стул у письменного стола.

– Девушка, простите, придется вас потревожить, – решительно заявила Шэрон Стоун. – Вот, видите...

Она кивнула на стопку бланков, извлекла один из них.

Пришлось подниматься. Медицинский регистратор тут же опустилась на освободившееся место и принялась быстро описывать детали одежды, которую ловко и аккуратно стаскивал Брэд Пит с посиневшего мужчины.

Лика прислонилась к подоконнику и шепотом поинтересовалась у санитаря:

– А чего покойник такой синий-то?

– Упал лицом вниз. Трупные пятна на передней поверхности тела. Плюс гематомы. Подождите, – парень насторожился. – Так, а вы не практикантка?

– Журналистка.

Он презрительно скривился. На его лице читалось: знаем мы этих писак, видят одно, пишут другое, все поперепутают, всех обидят.

«Это вопрос принципа – обаять надутого парня», – решила Лика.

Через пять минут Дима уже оживленно рассказывал, что вакансию в морге ему предложили на бирже труда. Между специалистами строительных профессий конкуренция, он ее не выдерживал, а жену с детишками кормить надо.

– Так страшно было вначале, ты не представляешь. И теперь страшно. Тела-то всякие на вскрытия привозят. Не такие чистенькие, как эти...

Лика с сомнением покосилась на уже почти обнаженного синего мужчину.

– Этот еще чистенький, – заверил Дима. – Да, бомж, пьяница. Но не вшивый. Сегодня вообще только случаи внезапной смерти, ни одного криминального трупа. Вот те страшные. Особенно если лежали пару недель. Мы тогда в масках работаем. Но все равно полностью застраховаться нельзя. Тут же вскрываешь и не знаешь, что за человек. Может, ВИЧ у него, может, туберкулез. Туберкулезом многие сотрудники морга переболели. Вот, видишь, у покойника все колени поцарапаны.

– Его били?

– Вряд ли. У него следы обморожения на коже. Ты же, наверное, читала – спать хочется, когда замерзаешь. А потом наступает такой период, когда люди себя уже не контролируют. Им вдруг становится жарко, они срывают с себя одежду, ползут, крутятся на коленях. Скорее всего вот откуда его царапины. Извини, мне пора.

Дима взял из стоящего на подоконнике подноса с инструментами пилу и направился к прозекторскому столу.

Он сделал два надреза вдоль ребер трупа, достал внутренние органы. Потом еще раз подошел к подоконнику, схватил какую-то продолговатую штуковину с круглым лезвием. Секционная наполнилась визжащими звуками. Санитар отогнул часть распиленного черепа, извлек мозг, положил его рядом с внутренностями.

Мысли Лики путались. От капелек крови, попавших на голубой халат, нестрашно. Вскрытое тело – ну а как же иначе, так надо... Пусть бомж, пусть пил. А если отравили? Как выяснить, не проводя вскрытие? Окружающее воспринимается достаточно спокойно и отстраненно. Вот только запах... Кровь, содержимое кишечника, остатки еды в желудке, все это исследуют руки Брэда Пита, его лицо не отражает никаких эмоций, а вот она...

Лица зажала рот рукой и выбежала в коридор. Опустилась на корточки, щелкнула зажигалкой.

– С тобой все в порядке? – Брук Шилдс, как и большинство красивых женщин, окружающими интересовалась постольку-поскольку. Ее голос звучал равнодушно. – Ты вся позеленела...

Лица завершила:

– Нормально все. Только этот запах. Показалось, что если не сбегу оттуда, то сойду с ума.

– Да ладно тебе. А покурить и там можно. Трупам, сама понимаешь, без разницы.

– А это у тебя что?

В руках Брук Шилдс была подставка с какими-то непрозрачными голубыми баночками.

– Образцы для анализов. Кровь, моча, кусочки тканей. Первые результаты будут через час. Остальное – потом. Тороплюсь...

Лица проводила взглядом худенькую спину, затушила окурок и тут же закурила новую сигарету. Курила она редко, и вторая сигарета подряд сразу же закружила голову. Но результат был достигнут. Сигаретный дым впитался в волосы и одежду, почти перебивая доносящийся из секционной запах смерти.

Она вернулась в зал и обнаружила трех экспертов-богатырей у стола с «пациентом» Джорджа Клуни.

– Дмитрий Николаевич, смотрите. Желудок, кишечник, почки – все в норме, – растерянно сказал Клуни. – Сердце, как у младенца.

Ален Делон нахмурился и отрывисто уточнил:

– Аорта?

– Чистая, без бляшек. Вот, посмотрите сами.

Руки Клуни извлекли из груды тканей длинную белую жилу.

– Бляшки – они как уколы от булавки. Такие малюсенькие дырочки, – пояснил Бред Пит Лике на ухо. – У моего мужика все просто – смерть от переохлаждения. А вот Игорю что-то не везет, никак диагноз поставить не может.

Лица почувствовала необычайный азарт. А что, если мужчину отравили?

– Да нет, Лица, тут что-то другое, – задумчиво произнес Ален Делон. – Слизистые оболочки без следов ожога. Конечно, есть яды, которые не оставляют следов. Они через пару часов полностью разлагаются, и их и на экспертизе-то установить сложно. Но для этого надо быть химиком. А тут человек, судя по всему, простой. Да такому дали бы по голове – и все дела. Из дома его доставили, да?

Шэрон Стоун пошелестела бумагами и ответила:

– Да, привезли из собственной квартиры...

Лика смотрела на легкие – черные, словно заполненные изнутри чернилами.

– Он курил?

Джордж Клуни покачал головой. Теперь такие легкие у каждого второго вскрываемого человека. Мегаполис, копоть – вся гадость в легких и откладывается.

Ален Делон еще раз разворошил скальпелем органы, вздохнул и распорядился:

– Заберите на анализ дополнительные образцы. Все, можно зашивать...

«Надо же, черепная коробка после вскрытия заполняется салфетками. А мозг вместе с внутренностями зашивается в брюшной полости. Потом тело моют. К смерти здесь относятся уважительно. Мужчина-то мертвый – а как аккуратно Дима перекладывает его на каталку, словно бы человеку может быть больно», – думала Лика, невольно морщась от визга вновь заголосившей в углу зала пилы.

Пять часов на ногах. Кровь, вонь. Памятник надо людям ставить за такую работу...

Лика повернулась к подошедшему эксперту.

– Вот и все, – Ален Делон стащил перчатки и бросил их в мусорную корзину. – Мы закончили. Сейчас оформлю бумаги и можно уходить, – и на его красивом лице отразилось беспокойство: – Что такое, Леночка?

Брук Шилдс, вбежавшая в секционный зал, явно позабыла, какая она красавица. Вытерев лоб рукавом халата, девушка прошептала:

– Женщину везут. Множественные ножевые ранения. Это ужас, Дмитрий Николаевич, ужас... Вы вскрывать будете или сменщик?

Ален Делон бросил взгляд на часы.

– У меня еще полчаса. Давайте женщину...

Когда санитар привез каталку, переложил труп на стол и развернул черный целлофан, все вздрогнули.

Обрывки одежды не скрывали кровавого месива, в которое превратилось тело женщины.

– Бояться, Лика, – устало сказал Делон, – надо живых. Тех, кто вот так делает. Ну, давайте, ребята-девчата за работу. Труп женщины доставлен в морг в следующей одежде. Платье из синтетической ткани черного цвета, две пуговицы на груди расстегнуты...

Впервые за весь день Лика не выдержала, отвернулась к окну. В горле стоял комок. За что ее так? Какая страшная смерть. Как больно умирать, когда тебя режут на кусочки. Кто тот подонок, который сотворил такое?!

Она смахнула слезы, искала сигареты, которые все не находились в рюкзаке.

– Между прочим, – Дима протянул ей свою пачку. – Это уже не первая женщина, которую так изрезали.

Бронская его не слышала. Очнулось только тогда, когда почувствовала – кто-то встряхнул за плечо.

– Пойдемте, – Ален Делон стащил перчатки. – На сегодня уже точно все.

Лика поплелась за мужчинами в какую-то комнату, слишком маленькую для огромных экспертов и, наплевав на церемонии, тут же опустилась на стул.

В стену напротив вдруг застучали.

Лика подняла глаза. Небольшое окошко, того же светлого тона, что и обои, сразу и не заметишь.

– Это родственники убитой женщины. Бомжей-то наших никто не забирает. За мужиком, в своей квартире скончавшимся, тоже еще не приехали. Только ее родственники, больше никому, – пробормотал Джордж Клуни, открывая окошко.

– А ты здесь что делаешь?!

На лице следователя Владимира Седова отразилось искреннее недоумение, он даже потер глаза, чтобы убедиться: Лика ему не мерещится.

– Вронская, ты в своем репертуаре! Вечно тебе больше всех надо, – заворчал он. – Мужики, дверь-то откройте. Я в служебный вход стучал-стучал, так меня и не впустили... Дмитрий Николаевич, так что там с этой женщиной? Каков характер нанесения повреждений?

3

Повыдергивать бы юзерам их блудливые ручонки. Чтобы не терзали «клаву», ставя под сомнение гениальность великого изобретения человечества – персонального компьютера...

Всех сотрудников журнала «Искусство» Саша Сулимский характеризовал коротко – юзеры.¹² Или ламеры.¹³ Один черт – бестолочи.

И вот одна из таких юзеров... Или юзерш? Впрочем, не суть важно. Никогда он не мог формулировать мысли в соответствии с нормами великого и могучего, ну и ладно. Юзерша стоит за спиной, хлопает голубыми глазами и канючит:

– Саша-а, ну я только одну программку поставила. Бухгалтерскую, честное слово. И что, вот из-за нее теперь компьютер не работа-а-ет?

– Из-за нее. Бухгалтерша ты моя дорогая. Что я вам всем объяснял? Если нужны какие-то программы – скажите мне. Сам инсталлирую. На самостоятельность потянуло?

Танечка виновато шмыгнула носом.

– Так девочки знакомые ставили, и все в порядке.

Девочкам повезло. А бухгалтеру журнала «Искусство» нет. Ее машина принимать нелицензионную программу отказывалась. Так, удалим эти файлы и перезагрузимся... Все в порядке.

– Больше так не делай! – назидательно сказал Саша.

Он отшутился от Танечкиного предложения зайти в гости на кофеек – а девушка, кстати, замужем – и направился в свой кабинет. Скорее надеть наушники и досмотреть, наконец, скачанный по сети боевик. И самое главное – не думать о Марине...

Не тут-то было, мобильник ожил, высвечивая на дисплее короткое «шеф».

«Марина с ним тоже спала. А с кем она, собственно говоря, не спала? Стоп, это пройденный этап», – приказал себе Саша и нажал на кнопку ответа.

Разумеется – предстать пред светлы очи руководства. Кто б сомневался! У юзеров одна цель – распускать блудливые ручонки, осложняя жизнь сисадмину...

Шеф – это вообще тот еще типчик. Жмот ужасный. По-хорошему ведь Саша предупреждал: выдели пятьдесят баксов на покупку источника бесперебойного питания. Квартал старый. Дом, где находится редакция, полуразвалившийся. Коммуникации вообще при царе Горохе проводили. Перепады напряжения в сети – дело обычное. Источник бесперебойного питания кровь из носу как нужен, иначе свич¹⁴ вылетит. Не поверил Виктор Сергеевич Лукашов сисадмину. И вот результат – Фоме неверующему пришлось отстегивать уже пару соток. Микросхемы свича обуглились, восстановлению и ремонту не подлежали. И как раз накануне сдачи номера, когда все бегают как ошпаренные – и корректоры, и журналисты, и верстальщики. Под всеобщий плач «где же сеть, где Интернет?!» шеф осознал, что был не прав, и все проспонсировал – и новый свич, и аккумулятор. Так жмотам и надо...

Редактор сидел за своим столом. Его круглые щеки полыхали румянцем, и Саша с трудом сдержал улыбку. Он догадался, что сейчас скажет Виктор Сергеевич.

– Саша, клянусь, я совершенно не понимаю, что происходит. Включаю компьютер, а там... Посмотрите, пожалуйста.

М-дя, такого добра он уже столько перевидал! Красивые девушки. Голенькие и соблазнительные. И все клиенты в один голос: «Не знаем, откуда к нам девчонки поналезли, мы порносайты не открываем...»

¹² Перевод с английского «пользователь». На сленге программистов – человек, посредственно знакомый с компьютером.

¹³ От английского lame – хромой, неубедительный. Смысл аналогичный – «чайник».

¹⁴ Оборудование, позволяющее объединять несколько компьютеров в сеть.

– Я вам объясню, где можно скачать такое видео. Заходите в сеть p-2-p, там аналогичной продукции – море, – забормотал Саша, борясь с голенькими девчонками, заполонившими компьютер шефа. – А вот если вы будете продолжать лазить по порносайтам, проблем не избежать. Многие из них созданы хакерами. Они просчитывают ваш ай-пишник, залазят в сеть и делают, что хотят. Не удивляйтесь, если не обнаружите свои папки со статьями.

Виктор Сергеевич смущенно кашлянул и поинтересовался:

– Саша, а зачем хакерам наши статьи? Они что, ценители искусства?

Сулимский пожал плечами. Другими категориями эти люди мыслят, другими. Их цель – взломать систему и напакостить. И только потом они прикидывают, можно ли извлечь из информации хоть какую-нибудь пользу. Им лично ни статьи, ни банковские реквизиты не нужны вовсе. Иное мышление. Если коротко: сделал гадость, на душе радость. И чувство юмора у них странное. Обожают послать в чужую машину какой-нибудь «back door»,¹⁵ а потом отправить на рабочий стол оптимистичную надпись: «Завтра ты умрешь...» Веселые ребята, одним словом.

– Насчет искусства ничего сказать не могу. Сегодня мы еще легко отделались. Но в следующий раз вы подцепите «root kit»,¹⁶ и даже я его не сразу обнаружу, и делов в системе наворотят – мало не покажется. Так что, объяснить подробно про сеть, где можно безопасно скачать порно? – Саша вопросительно посмотрел на шефа.

Тот от консультаций вежливо отказался.

Ликвидировав еще несколько разрушений, являвшихся следствием не в меру активных юзерских действий, Саша добрался, наконец, до своего кабинета, сел за компьютер и решительно себе напомнил:

– Я могу без нее. Я буду жить, как обычно. Я смогу...

Фильм он так и не досмотрел. Полчаса тупо смотрел в монитор, потом поймал себя на мысли, что так и не понимает, кто кого метелит и за что. Он сходил на специализированный форум, едко высмеял там некоего знатока программирования, потом зашел в чат, перекинулся парой реплик со знакомыми. Тоска... Все разломалось, разрушилось. Реанимировать систему под названием «Саша Сулимский» системный администратор был не в состоянии...

Собственная жизнь всегда представлялась ему стрелой, тянущейся вверх. Цель ясна и понятна – разработать самое крутое программное обеспечение. Он способный – красный диплом о недавнем окончании радиотехнического университета характерное тому подтверждение. К системе «Windows» предъявляется все больше претензий, альтернатива детищу Билла Гейтса «Unix» также далека от идеала. Так что спрос есть. Нужны нормальные условия для работы – конечно, не в России. Но для того, чтобы твои мозги кто-то захотел «утечь» за границу – требуется опыт и репутация. Поэтому Саша хватался за любую работу и старался делать ее так хорошо, как только можно в условиях постоянного контакта с юзерами и ламерами.

Все было просто отлично. Две работы и куча заказчиков с разными проектами, спортзал три раза в неделю и на тренировку же похожий секс с девчонками из чата.

Да, все разломалось, разладилось, утратило смысл. Стрела больше не мчится ввысь. Лежит, растоптанная Мариниными каблучками.

В ней было что-то непостижимое. Даже не столько красота. Красивых женщин много. Ими восхищаешься. Повосхищался – пошел дальше. И сердце не выстукивает счастливую дробь: «Моя, моя, моя...»

Он начал пугаться самого себя. Откуда это желание упасть на колени перед хрупкой фигуркой в черной одежде и провести так всю жизнь? В ее ладонях – его счастье. Только она об

¹⁵ Компьютерный вирус.

¹⁶ Компьютерный вирус.

этом не знает. Она ничего не замечает. Ее взгляд скользит сквозь него, но ведь женщины никогда так не делали. Наоборот – всегда называли красавчиком, пытались затащить в постель...

Рассудок честно пытался высветить предупреждающую надпись «Warning!». Марина почти вдвое старше его. Популярная писательница, нестандартная притягательная внешность, мужчины так и липнут. Зачем ему лишние проблемы? Зачем быть одним из многих, когда можно задушить ее в себе, и найти обычную девочку, и получить все. Вот они, поручни, за которые можно схватиться и не утонуть. Саша их видел. И тонул, и ничего не мог с этим поделать.

Да, наверное, он заразил ее машину вирусами. Не помнил. Хотелось лишь одного – прижать ее руку к сердцу, она там жила. Там было очень больно, невыносимо. Пусть просто поймет – он сделает все для нее.

Напиться ею, пресытиться – невозможно. Целовать каждую клеточку прекрасного тела. Невольно хотеть вывернуть ее наизнанку и прижаться губами к каждому сосудику, каждый из которых сплетается во что-то фантастическое, нереальное, изматывающее и сладкое.

Его аналитический мозг все рассчитал. Ребенка надо заводить сразу, у Марины уже не тот возраст, когда с этим можно тянуть. Долой спортзал, долой клиентов, которым он чинит компьютеры за спасибо. Продать или сдать свою квартиру. Этого хватит, пока Марина будет сидеть в декрете. Потом что-нибудь придумают.

Черта с два! Она пускала его к своему телу, но не позволяла войти в ее жизнь, а там кишмя кишели какие-то другие мужчины, и непонятные принципы, и страхи.

Их последний вечер взорвался неуправляемой страстью. Саша сбегал в душ, положил на зеркало в прихожей дубликат ключей от своей квартиры и прокричал:

– Приходи в гости. Буду рад тебе всегда.

– Это вряд ли, – Марина удовлетворенно потянулась. – Я слишком ленива для того, чтобы ходить в гости...

Динамик ее сотового телефона никогда не делал тайны из содержания разговора. Саша сооружал на кухне бутерброды, когда раздался звонок.

– Моя кошечка по мне скучает? Она меня хочет?

– Давай завтра, – отозвалась Марина. – Сегодня думаю поработать...

«Она ему врет. Мне – никогда. Так и заявляет прямым текстом: не твой день, мальчик. Если врет – значит, он дорог? Она его любит? Что же делать?» – в отчаянии думал Саша.

Он опомнился у дверей кухни. Рука сжимала нож, еще пару секунд и...

Уйти, чтобы не убить. Уйти, потому что просто больше нет сил на все это смотреть. Уйти и жить. Жить? Но разве это жизнь?!

Саша вскочил со стула и бросился к окну. Темно-синий «БМВ» Марины на редакционной стоянке отсутствовал.

К ней. Быстрее, скорее, только бы простила. Пусть делает, что хочет. Он больше так не может. Два дня без ее голоса – вечность.

Набросив куртку, Сулимский выбежал на улицу. Ноги понесли его к станции метро «Китай-город». В переполненном вагоне какая-то девушка в коротенькой дубленке явственно прижалась к нему грудью, и, расталкивая пассажиров, Саша удрал в дальний конец вагона. Есть только одна женщина, которая может к нему прикоснуться. Только одна!

У Марины на этот счет имелось другое мнение...

Ее окна были без занавесок, только жалюзи она иногда опускала.

Не опустила. Яркие, освещенные прямоугольники. Не скрывают теней, извивающихся на стенах в танце любви.

Саша сел на скамейку. Нервно высыпал в рот полпачки клубничной жевательной резинки и, поглядывая на окна Марины, стал обдумывать план предстоящих действий. Покончить со всем этим прямо сейчас? Дождаться, пока ее любовник уйдет? Или сбегать на Арбат, там

Интернет-кафе. Скачать уголовный кодекс, просмотреть соответствующую статью. А впрочем, какая разница, на сколько лет его посадят? Значение имеет лишь одно. Марина Красавина прекратит его мучить...

4

– Норвежский художник Эдвард Мунк родился 12 декабря 1863 года в семье военного врача. Мать Эдварда была моложе мужа на 20 лет. Родив пятеро детей, она умерла от туберкулеза, когда ей исполнилось 33 года. С юных лет смерть внушила Эдварду глубокий страх перед жизнью, преодолеть который он так и не смог...

Василий Михайлович Бубнов читал лекцию по истории экспрессионизма, и сегодня склоненные над конспектами головы студентов художественной академии его особо радовали. Такая тема – творчество Эдварда Мунка. Гениальный художник. Любимый. Рассказ о нем – долгожданный праздник.

Переведя дыхание, Василий Михайлович продолжил:

– В возрасте 17 лет Эдвард пишет в своем дневнике: «Я решил стать художником». Он изучает основы художественной грамоты у скульптора Юлиуса Миддельтауна, посещает ателье художника-реалиста Кристиана Крога. Болезнь, смерть, страх – вот тема его произведений. Художник сознательно не желает достигать схожести с реальными объектами. Главной целью Мунка является выражение в рисунке человеческих чувств и переживаний. Вихри тяжелых цветов, необузданные линии – его техника полностью противоречит популярному среди буржуазии академизму... Ребята, выключите свет в аудитории, пожалуйста!

Слайды не очень качественные. Работы Мунка надо смотреть если не в музее, то хотя бы в альбомах с приличной полиграфией. Они ведь живые – его краски, закручивающие цунами эмоций.

Сейчас... Василий Михайлович сладко зажмурился в предвкушении. Диапроектор высветил на экране одну из самых его любимых работ – «Созревание».

– Мы видим обнаженную девочку-подростка, сидящую на кровати. Композиция построена на сочетании горизонтальных (линия кровати) и вертикальных (фигура девочки) линий. В почти болезненной хрупкости девочки, ее скрещенных на груди руках и широко распахнутых глазах мы угадываем первое пробуждение сексуальности...

Его перебил тонкий девичий голосок. Не разобрать в полутьме, чей он:

– А что за странный черный комок справа?

Бубнов аж задохнулся от возмущения. Боже мой, и это говорят будущие художники! Комок... Ну, как они не понимают!

– Огромная черная тень, отбрасываемая фигурой девушки, предвещает ей злое будущее. Созревание – это сложная фаза перехода от детства к юности, и тень символизирует все страхи и опасения девочки.

Настырная девица все не унималась.

– Простите, это «Созревание» похитили грабители?

Василий Михайлович быстро сменил слайды. Восхитительно. Кроваво-красный, пугающий, словно вибрирующий «Крик» и нежная, заломившая в экстазе руки «Мадонна». Именно эти картины были похищены в Норвегии в 2004 году. Среди бела дня двое преступников в масках ворвались в музей, сорвали полотна. Редкостная беспечность со стороны норвежских властей. Творения гениального художника даже не были застрахованы. Но этот аспект совершенно не волновал Василия Михайловича. Тревожило другое: по горячим следам полиции не удалось найти ни преступников, ни картин. Только рамы, из которых варвары вырезали полотна, обнаружили через пару дней после ограбления на окраине Осло. Шедевры словно растворились в воздухе. Позже появилась информация о том, что полицейские Норвегии не исключают: и «Крик», и «Мадонна» могут быть сожжены.

– Я расстроился, если бы это было так. Но ничуть бы не удивился, – вырвалось у Василия Михайловича.

Аудитория зашумела.

– Почему?

– Как можно жечь картины?

– Да, наверное, их похитили по заказу какого-нибудь фанатика-миллионера. Сидит теперь богач дома, любитесь втихаря Мунком!

Преподаватель быстро ответил:

– Не сидит! Недавно картины были обнаружены. Состояние полотен требует реставрации. И это практически все, что говорят представители официальных властей! Кто похитил работы, где они находились – неизвестно... Как вы помните, шедевр Леонардо да Винчи, картину «Джоконда», находящуюся в Лувре, также неоднократно пытались уничтожить. Хотели даже облить серной кислотой. С полотнами Мунка, как мне кажется, произошла аналогичная история. Я лично не сомневаюсь: кто-то просто пытался самоутвердиться, уничтожая творения выдающегося художника. Но гениальным произведениям суждено не только пережить своих творцов. Они, как свидетельствует факт обнаружения картин, оказываются сильнее даже преступных намерений!

И он опять защелкал рычажком диапроектора. Поглощенные созерцанием работ, студенты не заметили, как преподаватель облегченно вытер платком выступившую на высоком лбу испарину.

«Вот ведь черт за язык потянул, – ругал себя Бубнов, что ничуть не мешало ему продолжать чтение лекции. – Разоткровенничался, старый идиот. Понимаю, почему могли быть сожжены... Да, понимаю. Мунк – художник, сила таланта которого эквивалентна силе безумия. А оно заразительно. Даже через десятилетия. И я знаю, что произойдет в этой аудитории после окончания пары...»

Он распорядился включить свет и пустил по рядам альбом с репродукциями Эдварда Мунка, а также несколько комплектов открыток. И продолжил объяснения:

– Обратите внимание на сочетание красок, их насыщенность. Кстати, в это сложно поверить, но Эдвард Мунк никогда не пользовался черной краской, предпочитал темно-синюю.

Оглушительный дребезжащий звонок оторвал Василия Михайловича от любимой темы. Вечно спешащие студенты не торопились прощаться.

– Можно мне написать курсовую работу по творчеству этого художника?

– И я хочу!

– Василий Михайлович, а где можно более подробно прочитать про Эдварда Мунка? Биографии его существуют?

Ответив на все интересующие молодежь вопросы, Василий Михайлович захватил свои вещи и направился в деканат. Еще по дороге, пролистывая альбом, заметил: «Больную девочку» аккуратно вырезали из книги. За своим столом он пересчитал открытки. Несколько штук не хватало.

И так было на каждом курсе после лекции о творчестве Эдварда Мунка. Им было очень просто заболеть. А вот выздороветь – нереально. Василий Михайлович пробовал. Не получалось.

5

Среду Наталья Александровна Перова не любила больше прочих дней недели. Именно по средам она убирала квартиру Сергея и Лены Ивановых, и простым это занятие назвать сложно. Квартира у них большая, четырехкомнатная. Мебели много. Пока под каждый диван с тряпкой залезешь – поясницу так ломит, что и разогнешься не сразу... Шестьдесят лет – все-таки возраст. Спина болит, и ноги, и простуды не отпускают. А еще у Ивановых много полок с сувенирами. Каждую статуэтку и шкатулку сними, каждую протри. Только с этими полками – два часа работы. Моющие средства у Лены почему-то заканчивались аккурат накануне прихода домработницы. Наталья Александровна уже и замечания делала, и даже ругалась как-то. А все без толку. Жадноватая хозяйка Леночка. Направляясь к ней, приходилось захватывать с собой и чистящий порошок, и жидкость для мытья окон.

В понедельник – легче. Понедельник – квартира Марины Красавиной. Жуткое местечко, пентаграммы на стенах, какие-то странные предметы повсюду, горы книг. Зато – минимум мебели, никаких сувенирных побрякушек. И окна каждую неделю мыть не заставляет. Писательница, творческая личность. Ей вообще, кажется, безразлично – есть ли комочек пыли под креслом, нет его. Никогда не придирается. Платит всегда вовремя, не жадничает.

Пятница с точки зрения уборки – проще простого. «Однушка», парень-холостяк живет. Раз – два – и уже порядок. Но у Леши и другие пожелания имеются. Рубашки надо ему гладить. Да так, чтобы не единой складочки. И суп иногда просит сварить. А еще за продуктами сбегать. И вот получается – уборки вроде бы немного. Но всю пятницу Наталья Александровна как белка в колесе вертится. Ни присесть, ни отдохнуть.

А что тут поделаешь? Жить-то надо. Пенсия крошечная, ее едва хватает на оплату коммунальных услуг. Вот и есть в ее жизни эти понедельники, пятницы. Или среды. Как сегодня...

Наталья Александровна вошла в подъезд Ивановых, перекинулась парой слов с консьержкой и заторопилась в квартиру. Работы очень много. Среда.

Она открыла дверь своим ключом, перекрестилась, прошептала: «С богом».

В раковине на кухне – ох уж эти Лена и Сергей! – высилась гора посуды. Даже на кромке раковины хозяева умостили пару чашек. Остатки жидкости в них уже подернулись пленкой плесени. А стоять на этом месте должна была бутылочка моющего средства. Пустую Наталья Александровна еще на прошлой неделе отправила в мусорное ведро.

Когда она доставала из своего пакета средство для мытья посуды, невольно вспыхнула раздражением. Для Леночки десятка-другая рублей – мелочи, она и не заметит этой траты. А Наталья Александровна всю жизнь каждую копейку считает. Почему она должна за свои деньги покупать эти несчастные порошки? «Не нравится – уходите», – сказала Лена. А куда пойдешь в шестьдесят лет?! Да теперь даже для того, чтобы унитаза драить, очередь из молоденьких девчонок стоит. Так что надо держаться за это место, другого не будет.

«Прости, господи, – думала Наталья Александровна, отмывая жир с тарелок. – Грешна. Мысли мои, раздражение – все это грех. Конечно, я прощаю и Лену, и Сергея. Ибо не ведают они, что творят. Поклоняются золотому тельцу, а ведь сказано в Евангелиях: легче верблюду проскользнуть в игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное. Я верую, ты не оставишь меня. Будет день – будет и пища».

Она навела порядок на кухне, вымыла туалет и ванную, пропылесосила ковер в прихожей. В поясницу вонзились первые иголки боли, и домработница решила: сначала уберет комнату Светланки. Это будет почти отдыхом. Девочка все равно там не живет. Родители отправили шестилетнюю кроху в английскую школу и, кажется, ничуть не страдали от отсутствия дочери.

В комнате Светланки хорошо. Обои с героями диснеевских мультфильмов, манеж завален плюшевыми игрушками. Вот ведь Лена... Светланка уже большая девочка, манеж ей без надоб-

ности, второго ребенка, как призналась хозяйка, заводить не планирует, для себя пожить хочет. Так отдай же манеж подругам, знакомым с маленькими детьми. Нет. Стоит зачем-то до сих пор в Светланкиной комнате.

Вот и все, пожалуй. Вытерта пыль с компьютера, вычищен коврик, вымыт пол, в том числе и за диваном.

«Ой, шкаф же еще! – вспомнила Наталья Александровна. – Лена всегда проверяет, все ли наверху чисто. Как-то забыла протереть – и хозяйка ругалась».

Возле шкафа вилась моль. Домработница ловко хлопнула в ладоши, уничтожая зловредное насекомое, и отодвинула дверцу. Неужели в одежде Светланки завелась моль? Да ведь и нет в шкафу почти никаких вещей...

Ах, вот в чем дело. Леночка повесила здесь свою норковую шубку. Все понятно: мех натуральный, шкаф Светланкин она убирает редко, потому что пустой. Не забыть бы в следующий раз принести средство от моли.

Наталья Александровна достала шубку, убедилась в отсутствии личинок, хотела уже повесить ее на балкон на пару часов и... горько зарыдала.

Носочек. Белый, с синими полосками. На нижней полке шкафа.

У Кирюши были точно такие же носочки. Она до сих пор помнит всю его одежду, и школьный ранец, и сбитые коленки. Темные непослушные прядки падали на глаза ее сыну, а он не давал их стричь, хотел длинные волосы, как у Д Артаньяна...

Ее мальчику теперь исполнилось бы 18 лет. Он беззаботно улыбается с фотографии на кладбищенском памятнике, десятилетний ребенок, ему было всего десять лет, ее солнышку, ее радости, Господи, ну за что?!

В Библии есть ответы на все вопросы. «Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...»

Наталья Александровна знала эти строки. Но принять их своим сердцем не могла.

Да, в ее жизни было так много грязи, что теперь вполне закономерно убирать грязь за другими. Но когда под ее сердцем появился Кирюша, ей казалось – все счета оплачены.

«Зачем ты его забрал? – думала домработница, прижав к лицу белый носочек с синими полосками. – Как же больно терять детей. Господи, как же это больно...»

6

Из дневника убийцы

Мне казалось: совершив убийство, я испытаю целую гамму эмоций. Страх, жалость, угрызения совести.

Ведь убитые женщины мне лично, в сущности, не сделали ничего плохого, да и вообще я их не знаю. Они появились на этот свет для реализации каких-то целей. Даже горький пьяница, нищий бомж и потрепанная привокзальная шлюха приходят в этот мир неслучайно. Для маховика жизни требуются самые разные компоненты, здесь нет, и не может быть случайностей. И вот пара винтиков – возможно, не самых плохих – исчезает. Я не чувствую страха. Не чувствую жалости. Первая реакция – радость. Ну да, мне нравится делать больно, причинение боли доставляет удовольствие. Потом меня с головой накрывает волна досады. Почему они умирают так быстро? От первого удара. Я в ярости крошу их безвольные тела, они вздрагивают от моих ударов, а хотелось бы – чтобы от боли. Позже приходит осознание. Неужели так надо? Я просто орудие в чьих-то руках, я несу смерть. Но неужели она приходит к тем, кто этого заслуживает? Теперь опасно интересоваться убитыми женщинами. Наверное, вокруг их домов уже рыскает милиция, и я не могу задать волнующие меня вопросы. Но мне все чаще кажется, что смерть пришла именно к тем, к кому должна была прийти.

Я в бешенстве! Не хочу!!! Это мои преступления, это мои убийства, и только я вправе решать, кому жить, кому умирать!

И все-таки смерть – это наркотик. Мне никогда не было так спокойно на душе, я работаю, я живу, я наслаждаюсь каждым мгновением, которое прекрасно.

– Ты остановишься на достигнутом? Или собираешься продолжать? Возьми меня с собой...

Странно, да? Невольный свидетель не испытывает желания сдать меня правоохранительным органам. Есть только желание приблизиться к той черте, где жизнь перетекает в смерть, и безвинный рай становится адом...

Глава 3

1

Потсдам, 1892 год

– Он распорядился обнести замок высоким забором. Рассчитал служанок и садовника. Оставил только Ганса, чтобы тот смотрел за лошадьми.

– А что мне рассказывал Ганс! Новый хозяин запретил конюху заходить в замок. Сказал, что сам сатана заберет его!

– Всю ночь в окнах замка горят свечи. Чем он там занимается, этот торговец?

– Да уж, странный человек приехал в вотчину прусских курфюрстов...

Альберт Кольман оторвал взгляд от магического шара и расхохотался. Хорошего же о нем мнения потсдамские торговки! А, впрочем, все равно, пусть болтают. Ему нравится этот замок из серого замшелого камня с массивными башнями. Он спрятан на окраине городка в тени высоченных буков. Отсюда недалеко до Берлина. И здесь Альберт может заниматься своими опытами без малейшего риска быть замеченным любопытствующей публикой. Все люди – глупцы. От них лучше держаться подальше.

«Сам сатана заберет его», – мысленно передразнил Кольман недавние слова фройляйн. Нет бога. И сатаны нет. Он это понял не сразу, все призывал дьявола во время первых мистических экспериментов: «Приди, возьми мою душу, возьми все, что угодно, лишь бы заполучить белокурую Элизу». Не пришел, не забрал.

Альберт все делал сам. Читал книги, ставил опыты, учил заклинания. Элиза стала его, и сразу же наскучила, робкая, покорная, зачарованная. Но, получив ее, он понял, что может делать все. Чем и пользовался. Мог ли кто-нибудь подумать, что сын бедного ремесленника станет владельцем роскошного замка в пригороде Потсдама? А ведь это только начало, он чувствует, как новые знания и новая сила делают его все увереннее и могущественнее.

Вот – можно перенестись в любое место, услышать разговор. Можно предугадывать будущее. Можно все. Или почти все.

Кольман набил трубку вишневым табаком и пододвинул к себе купленную в Берлине газету. Новости из жизни кайзера Вильгельма его не интересовали, потому он быстро их пролистал, и... Вот оно, то самое объявление. «Сегодня была закрыта начавшая свою работу неделю назад выставка норвежского художника Эдварда Мунка. Это решение является правильным и справедливым. Со стороны Берлинской академии художеств было крайне неосмотрительно приглашать художника, чьи мрачные полотна возмутили ценителей живописи до глубины души. По мнению критика Герхарда Вассермана, представленные на выставке работы напоминают незаконченные наброски. Как стало известно вашему корреспонденту, Эдвард Мунк учился в Париже. Однако не научился там ничему – таково мнение достопочтенной берлинской публики».

«Вот и славно! Замечательно все складывается», – пробормотал Кольман. Трубка погасла, но он, увлеченный своими мыслями, этого не заметил.

Живопись приносила Альберту Кольману пухлые пачки ассигнаций и большое удовольствие. Художникам дано видеть иные миры. Они проживают сотни жизней своих моделей, они становятся ветром, скалами, морем. В их голове низвергаются водопады, а руки ткут паутину из солнечных лучей, брошенную на лесные верхушки. Речь идет о хороших художниках, разумеется.

Мунк – хороший художник. Певец смерти. Она дышала холодом с его полотен, и Кольман, не ожидавший от выставки норвежца ничего особенного, чрезвычайно обрадовался. Он

ходил вдоль развешанных работ, и в его голове проносились видения. Очень скоро за картины Мунка можно будет выручить миллионы. Художник может стать известным и популярным. Если только сумеет преодолеть порыв отчаяния и уклониться от приближающейся смерти. Альберт Кольман явственно услышал звук торопливых шагов и поклялся, что сможет уберечь Мунка от костлявой старухи.

Но что же он медлит, предаваясь воспоминаниям?

Альберт пододвинул магический шар и сосредоточился.

В клубах дыма появился полутемный зал кабачка...

– Как называется это местечко? – глаза Дагни устремлены на Пшибышевского. Она кокетливо приспустила манто, повела полуобнаженными плечами.

Станислав лишь махнул рукой.

– Какая разница. Любое место, где присутствуете вы, прекрасно.

Август Стриндберг постарался привлечь внимание девушки.

– Назовем его «У черной свинки». Эти мехи с вином здорово напоминают маленьких черных поросят.

Эдвард Мунк быстро опустошил стакан рейнского, и Станислав укоризненно на него посмотрел.

– Эдди, прошу тебя, не напивайся. Что с того, что выставка закрылась? Твои друзья знают – ты талантливый художник. Я напишу о тебе книгу, старина.

Мунку не нужна книга. Друг вызывает раздражение. Дагни глаз с него не спускает.

– А вам, – Эдвард повернулся к девушке, запнулся от волнения. – Вам, Дагни, нравятся мои работы?

Она кивнула слишком быстро и сильно. Выдавая лгунишку, вздрогнули заколотые в высокую прическу смоляные локоны. Девушка равнодушно заметила:

– Вот только луна у вас на картинах странная. Почему вы рисуете ее всенепременно полной? Мне больше по нраву полумесяц.

Август смущенно кашлянул, запуская пальцы в густые каштановые волосы. Да, это он сказал Мунку, что луна всегда круглая. Строго говоря, он сказал, что вообще луны было две, но одна упала на Северном полюсе. Эдвард, как ребенок, всему верит на слово.

– А что такое полумесяц? – тихо спросил Мунк.

Дагни со Станиславом засмеялись, и от этого Эдварду сделалось совсем горько. Даже друзья потешаются над ним. Выставка провалилась. Никогда он не получал от жизни ничего хорошего. Прекратить это все. В любом случае он ничего не теряет. Дождаться окончания вечера и...

А впрочем, зачем ждать?

– Пойду, прогуляюсь, – бросил он, вставая со стула.

Состязавшиеся в остроумии Станислав и Август, вдохновленные обществом очаровательной норвежки, не заметили его ухода...

В шаре отразилась одинокая высокая фигура, бредущая по едва освещенной газовыми фонарями улице.

Но Альберт Кольман этого уже не видел. Растолкав заснувшего на сеновале Ганса, он распорядился заложить экипаж и помчался в Берлин.

Въехав в город, он остановил нетерпеливых лошадей и закрыл глаза. Эдвард Мунк сейчас должен быть... О, только бы не опоздать! Художник сидит на берегу Шпрее и вот-вот бросится в ее стремительные воды!

– Послушайте, не делайте этого, – закричал Кольман в ночь. – Вы хороший художник, и я готов купить все ваши работы!

Наконец, он увидел Мунка – съжившегося, без пальто, пристально вглядывавшегося в реку.

– Я готов купить все ваши работы, вы слышите меня?

В голубых глазах художника отразилось невыносимое страдание.

– Я не могу их продать. Это же мои дети. Разве можно продать своих детей? Как я буду жить без них? – пробормотал Эдвард. Потом он пару раз моргнул и закричал: – Каким образом вы меня нашли? Я помню вас на выставке, вы еще хотели меня утешить. Не надо брать меня под руку!

– Пойдемте, – Кольман все же оттащил упиравшегося художника от берега. – Я отвезу вас домой. О, с моей стороны нет намерений вас утешить. Я говорю совершенно серьезно. Готов купить все ваши работы. Назовите цену. Где вы живете?

– В меблированных комнатах фрау Шниттель.

«Редкостная дыра», – подумал Кольман. Но вслух сказал другое:

– У вас будет все. Хорошая квартира, удобная студия, я хочу создать вам нормальные условия для работы.

– Я больше никогда не смогу писать. Все кончено, – пробормотал Мунк и сладко захрипел.

Воспользовавшись этим, Кольман легонько тронул поводья.

Он правил экипажем, и на душе было беспокойно. Все отчетливее понималось: свои работы Мунк не продаст.

– Убирайтесь к черту! – заявил художник после пробуждения. – Вы мне снится. Только это какой-то ледяной сон.

– Черта нет, – машинально отозвался Кольман. – Доброй ночи, господин Мунк. Советую вам подумать над моим предложением.

Возвращаясь в Потсдам, торговец живописью думал о том, что Мунк совсем спятил. Картины продавать не хочет. Да еще и теплую ночь называет ледяным сном. Странно все...

«Ничего странного, – возразил тот, чье существование Кольман упрямо отрицал. Он ехал рядом, и невнимание возницы доставляло ему неудобство, экипаж то и дело попадал в ямы. – Просто ты холода не чувствуешь, как не чувствую его я и те, кто с нами. Эдвард пока не в их числе. Но мы ведь с тобой постараемся заполучить и его, правда?»

2

– Блин, ну ты можешь ехать побыстрее? – Седов закурил и раздраженно уставился в окошко. «Форд» Лики Вронской, казалось, намертво застрял в пробке. – Давай, забирай влево, проскочишь!

Лика проигнорировала его замечание и перестраиваться не стала. Она габариты своей машины знает. Втиснуться между хитами столичных дорог – крошкой «Hundai Getz» и «паркетником» «Lexus RX 300» – без повреждений нет никаких шансов.

Следователь вздохнул и сокрушенно пожаловался:

– Есть хочется. С утра крошки во рту не было.

– У меня тоже. Какой длинный день сегодня. Мне кажется, он никогда не закончится.

– Да перестраивайся ты! Между прочим, сама напросилась. Я тебя на веревочке за собой не тащил!

«Фордик» послушно вильнул в соседний ряд. По нему автомобили, и, правда, двигались чуть быстрее. Вслед машине истошно засигналили «доброжелательные» московские водители.

Ругаться с Седовым у Лики Вронской уже просто не осталось сил. Она наслушалась от него за сегодняшний день по полной программе. Свое мнение по поводу изучения Ликой «матчасти» Володя высказал еще в морге. Даже Ален Делон расчувствовался, заметил:

– Да ничего страшного, хорошо, что писательница интересуется подробностями нашей работы.

В морге же и выяснилось: эксперт не сомневается в похожем характере нанесения ударов Карине Макеенко и Инессе Моровой. В грудной клетке Макеенко осталось лезвие ножа. Со стопроцентной точностью Делон затруднился поручиться, что женщин убивали одним и тем же ножом. Но, судя по ранам, орудия убийства были минимум похожи. Также эксперт, открыв в служебном компьютере результаты вскрытия Инессы Моровой, заметил еще одно совпадение. Смерть женщин наступила в результате первого же удара, нанесенного в сердце. Возможно, убийца – медик, прекрасно знающий анатомию. Количество нанесенных женщинам ран практически совпадало: сорок одна у Карины Макеенко и сорок две у Инессы Моровой.

– Надо ехать к тому следователю, который выезжал на труп Макеенко, – решил Володя Седов.

– Я с тобой!

– Ага, сейчас. Профессий, не охваченных твоим вниманием, еще много. Вперед и с песнями. А мне работать надо.

И все же Лика Вронская своего добила. По банальнейшей причине. Пока Седов общался с экспертом, дежурный автомобиль вызвали на место очередного происшествия. Шансов на его возвращение не было – в округе Седова преступники творили свои гнусные дела очень активно.

– Ладно, поехали, – буркнул Володя, опускаясь на сиденье Ликиного «Форда»...

Коллега Седова, церемонно представившийся Валентином Алексеевичем Бестужевым с уточнением «из тех самых Бестужевых, ну вы понимаете», Вронской не понравился с первого взгляда. Из-за нечищенных ботинок и серого свитера, утыканного комочками свалявшейся шерсти. «Тоже мне, потомок дворянского рода», – невольно подумала она.

Узнав о цели их визита, следователь Бестужев оживленно потер пухлые ладошки и обрадованно зататорил:

– Славненько, чудненько, забирайте от нас тетеху эту порезанную.

– Выбирайте выражения! – возмутилась Лика. – Человека убили. Что за характеристики вы себе позволяете!

Бестужев собирался ответить, но его прервал звонок сотового телефона.

– Доченька, ты курей кормила? Славненько. А свиньям наварила? Чудненько. Комби-корма не много положила? А то они опять весь хлев засрут. Умница ты моя. Да что у меня может быть нового? Надоела мне эта работа до смерти. Каждое утро еду сюда и мечтаю, как вернусь вечером в свой домик, по хозяйству займусь. Целую, доча! – Бестужев нажал на кнопку отбоя, присел на корточки у сейфа: – Тетеха-тетеха, вот она, эта дура. Чудненько, славненько, забирай, Володя, все документы.

«Остапа несло», – вспомнила Лика фразу Ильфа и Петрова и сразу же почувствовала: и ее несет. Хорошо так несет. Отшвыривая стулья, она бросилась к сейфу, вцепилась Бестужеву в рукав и завопила:

– Вы позорите вашу фамилию – это раз. Вы позорите профессию – это два. Если вам хочется слушать, как квохчут куры, что вы делаете в прокуратуре? Здесь другая работа! Другие цели! И третье. К смерти надо относиться уважительно. Мне жаль, что к своим, думаю, сорока годам вы этого так и не поняли!

Бестужев захохотал и покосился на вмиг побледневшего Седова.

– Слышь, Володя, что за истеричку ты с собой привел? Она всегда так на людей бросается?

– Это клинический случай. Увы, не лечится, прости, старик, – и, повернувшись к Вронской, Седов выдал вторую порцию оценок ее характера и манеры поведения.

Цензурных выражений в пламенном спиче почти не имелось. А смысл сводился к следующему: не надо учить взрослых дяденек жизни, они сами знают, что к чему.

«Ну, уж дудки, – думала Лика, обиженно сморщив лоб. – Не буду молчать, когда вижу, что человек ведет себя, как свинья. Никто не требует от него стенаний по поводу убитой. У следователей, действительно, иммунитет к этому делу вырабатывается. Жестче они, не такие эмоциональные. Но смеяться и оскорблять убитую женщину – это слишком. Короче, все я правильно сказала. А Бестужев – редиска».

Тем временем Валентин Алексеевич извлек из сейфа стопку бумаг и, просмотрев их, протянул Седову.

– Протоколы осмотра места происшествия, допросов кое-кого из свидетелей. Направление на экспертизы я оформил, не забудь позвонить, чтобы результаты тебе переслали. Флаг в руки. Заводи уголовное дело.

– Что изъяли в квартире?

Бестужев подошел к огромной стоящей на полу коробке и извлек оттуда пакет. Седов принялся разбирать запакованные в прозрачный пластик предметы. Он хмурился – вещей из квартиры изъяли мало.

Валентин Алексеевич не умолкал, рассказывал о проведенном осмотре. Похоже, убитая женщина кого-то ждала. В квартире был сервирован праздничный стол, в духовом шкафу нашли жаркое. Следов пребывания посторонних где-либо, кроме прихожей, не обнаружено. Ручка входной двери тщательно протерта, криминалисты отпечатков пальцев не нашли.

– Да, все очень похоже на мой случай, – сказал Седов. – Кстати, а соседи видели посторонних людей, входящих в подъезд?

Бестужев махнул рукой.

– Ты же знаешь, всегда после убийств появляется масса якобы очевидцев. Мне по предварительным опросам показалось, что ничего внятного свидетели сказать не могут.

Володя Седов понурился.

– Неужели в Москве орудует маньяк? И как такие преступления раскрывать? Небось сидит себе где-нибудь тихий приличный дядечка. Не судился-не привлекался. Бац, в башке что-то переклинило – схватился за ножик. Он еще пару женщин прирежет, пока мы на него выйдем.

– А об этом, дружище, пусть уж у тебя голова болит. Кстати, вот эта бумажка, – Валентин Алексеевич указал на мелькнувший в руках Седова запечатанный прозрачный пакетик. – Рядом с телом валялась.

– Что это? Похоже, картина. Часть открытки запачкана кровью. Ну и рожа! Бр-р-р...

Лика позабыла о своем решении изображать оскорбленную и униженную следователями барышню, опустила на корточки рядом с Седовым.

– Дай мне. Так. Это Мунк.

– Кто? – в один голос поинтересовались Седов и Бестужев.

– Репродукция картины норвежского художника Эдварда Мунка «Крик». Похоже, это закладка из набора. Видишь, вот тут номер указан – так обычно помечают комплекты. Единица. Понятно, почему это самая известная работа Мунка.

– Хм... А что ты еще можешь рассказать? – в голосе Седова послышалось уважение.

Больше сказать Лике Вронской было особо нечего. Знатком живописи никогда не являлась, творчеством Мунка специально не интересовалась. Но журфаковское образование позволяет поверхностно ориентироваться в самых разных вопросах. Впрочем, кое-что она все же вспомнила.

– Две картины Мунка, украденные несколько лет назад, были недавно обнаружены. «Крик» и еще какая-то. Не помню ее названия. Там такая черноволосая обнаженная женщина изображена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.